

ХУЛИО КОРТАСАР

ИЗБРАННОЕ

Хулио Кортасар

**Выигрыши**

1960

## **Кортасар Х.**

Выигрыши / Х. Кортасар — 1960

В романе «Выигрыши» всемирно известного аргентинца Хулио Кортасара много странного, таинственного, недоговоренного. Выигрыш в лотерею сделал счастливыми обладателями путевок в морской круиз совершенно разных людей. Если бы не это обстоятельство, вряд ли все они встретились когда-нибудь в обычной жизни. Действие разворачивается на борту парохода. Пассажирам почему-то не говорят, куда они едут, и перед каждым встает вопрос: подчиниться воле судовой администрации или все же попытаться выяснить чем вызван таинственный запрет. И несколько дней путешествия круто меняют судьбу многих из них...

## Содержание

ПРОЛОГ	5
I	5
II	9
III	11
IV	14
V	16
VI	17
VII	19
VIII	22
IX	24
A	26
X	27
XI	29
B	33
XII	35
XIII	38
C	41
XIV	43
XV	47
XVI	51
XVII	54
XVIII	60
D	63
ДЕНЬ ПЕРВЫЙ	65
XIX	66
XX	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

# Хулио Кортасар

## Выигрыши

*"...что делать романисту с людьми ординарными, совершенно «обыкновенными», и как выставить их перед читателем, чтобы сделать их сколько-нибудь интересными? Совершенно миновать их в рассказе никак нельзя, потому что ординарные люди поминутно и в большинстве необходимое звено в связи житейских событий; миновав их, стало быть, нарушим правдоподобие».*

*Ф. Достоевский, «Идиот», ч. IV, гл. I*

## ПРОЛОГ

### I

«Маркиза вышла в пять, – подумал Карлос Лопес. – Где, черт побери, я читал это?»

Они сидели в «Лондоне», на углу Перу и Авениды, было десять минут шестого. Маркиза вышла в пять? Лопес тряхнул головой, отгоняя непроизвольные воспоминания и отпил «киль-мес кристалл». Пиво было тепловатое.

– Когда человека лишают его обычной обстановки, он словно рыба без воды, – заметил доктор Рестелли, рассматривая свой стакан. – Я, знаете ли, очень привык к сладкому мате <sup>1</sup> в четыре часа. Да, посмотрите, пожалуйста, вон на ту даму, что выходит из подземки. Правда, я не уверен, разглядите ли вы ее, здесь столько пешеходов. Вон, вон та блондинка. Окажутся ли такие симпатичные белокурые спутницы в нашем приятном круизе?

– Сомневаюсь, – сказал Лопес. – Обычно самые красивые женщины путешествуют на другом пароходе. Роковое правило.

– Ох и скептики эта молодежь, – сказал доктор Рестелли. – Хотя мои бурные годы давно минули, я еще могу при случае тряхнуть стариной. Я по-прежнему полон оптимизма. И уверен, что на пароходе нам составят компанию красивые девушки. Это так же верно, как то, что я припрятал в своем чемодане три бутылочки катамаркской виноградной.

– Ну это посмотрим, если, конечно, путешествие состоится, – ответил Лопес, – Да, кстати, о женщинах. Вон входит особа, из-за которой стоит повернуть голову градусов на семьдесят от Флориды. Так... стоп. Вон та, что разговаривает с длинноволосым типом. Судя по их виду, они наши попутчики, хотя, черт побери, я не представляю, какой должен быть вид у тех, кто будет путешествовать вместе с нами. А не выпить ли нам еще пива?

Доктор Рестелли охотно согласился. Лопес подумал, что в своем жестком воротничке с голубым галстуком в бурую крапинку он удивительно похож на черепаху. Рестелли носил роговые очки, которые отнюдь не способствовали дисциплине в государственном колледже, где он преподавал историю Аргентины (а Лопес – испанский язык), всем своим ученым видом провоцируя учеников на прозвища вроде Черного Кота и Шляпенции. «Интересно, каких прозвищ достаиваюсь я?» – лицемерно подумал Лопес. Ему хотелось верить, что дальше какого-нибудь Лопеса-путеводителя ученики не пошли.

---

<sup>1</sup> Напиток из травы мате, так называемый парагвайский чай. – Здесь далее примечания переводчика.

– Прелестное создание, – отметил доктор Рестелли. – Будет неплохо, если она станет нашей попутчицей. Не знаю, то ли соленый воздух, то ли перспектива ночей в тропиках, но должен признаться, я чувствую себя необычайно приподнято. За ваше здоровье, коллега и друг.

– За ваше, доктор и соудачник, – молвил Лопес, изрядно отпивая из своей пол-литровой кружки.

Доктор Рестелли уважал (правда, умеренно) своего коллегу и друга. На собраниях учителей он обычно отмежевывался от фантазерских суждений Лопеса, который упорно защищал отъявленных лоботрясов и лодырей – любителей списывать на контрольных работах или почитывать газету в самый разгар боя при Вилькапухио (а ведь и без того чертовски трудно, не роняя достоинства, объяснять про взбучку, которую задали испанцы нашему Бельграно). Но если не считать богемных замашек, Лопес вел себя как превосходный коллега и был всегда готов признать, что речь 9 июля <sup>2</sup> непременно должен произносить доктор Рестелли, который скромно сдавался на уговоры доктора Гульельметти и столь же горячие, сколь и незаслуженные, просьбы всего преподавательского состава. В конце концов, это было настоящей удачей, что именно Лопесу, а не негру Гомесу или преподавательнице английского с третьего курса достался выигрыш Туристской лотереи. С Лопесом всегда можно было договориться, хотя порой он впадал в излишний либерализм или даже в совсем непотребную левизну, а этого Рестелли никому не мог позволить. Но зато Лопесу нравились девушки и бега.

– *Когда тебе исполнилось четырнадцать апреля, ты предалась разгулу и веселью*, – промурлыкал Лопес – Да, а почему вы купили билет, доктор?

– Я не мог устоять перед напором сеньоры Реборы, друг мой. Вы же знаете, что представляет собой эта женщина, когда войдет в раж. На вас она тоже насела? По правде говоря, теперь мы должны быть ей весьма благодарны.

– Восемь переменок подряд она выматывала мне душу, пристала, как овод, никуда не ускачешь, – отвечал Лопес – И совершенно непонятно, какая ей от этого выгода? Самая обычная лотерея.

– Ну у-ж, извините, ничего подобного. Это особая, специальная лотерея.

– Да, но почему билеты продавала мадам Ребора?

– Предполагается, – таинственно сказал доктор Рестелли, – что билеты этой лотереи предназначались для особой категории лиц, ну, что ли, для избранных. По всей вероятности, государство апеллировало, как это уже бывало в истории, к благосклонности наших дам и одновременно позаботилось, чтобы выигравшие, как бы это выразиться, не общались с людьми невысокого уровня.

– Выразимся так, – согласился Лопес – Но вы забываете, что обладатели выигрышей имеют право взять с собой до трех родственников.

– Дорогой коллега, если бы моя покойная супруга и моя дочь, супруга нашего молодого Робирасы, имели возможность сопровождать меня...

– Конечно, конечно, – ответил Лопес – Вы совсем другое дело. Но не будем ходить вокруг да около. Если бы, например, я спятил с ума и решил пригласить мою сестрицу, вот тогда вы бы увидели, что такое, выражаясь вашими словами, невысокий Уровень.

– Не могу поверить, что ваша незамужняя сестра...

– Она тоже не верит этому, – возразил Лопес – Но уверяю вас, она из тех, кто говорит неправильно, но считает, что «вырвало» очень грубое слово.

– В самом деле, слово действительно грубоватое Я бы предпочел «стошнило».

– Она же, напротив, скорее склонна к выражениям: «вернула обратно» и «выплеснула». А что вы скажете о нашем общем ученике?

---

<sup>2</sup> 9 июля – провозглашение независимости и самостоятельности всех провинций Аргентины (9 июля 1816 г.).

Покончив с пивом, доктор Рестелли предался скучным размышлениям. Он никак не мог взять в толк, как это сеньора Ре-бора, назойливая, но совсем не глупая женщина, к тому же обладающая почти знатным именем, могла снизойти, опуститься до того, что стала распространять билеты среди учащихся старших курсов. В результате печальной случайности и невиданной удачи, о которой гласят лишь отдельные, да и то апокрифические хроники Монтекарло, кроме Лопеса и Рестелли, крупный выигрыш достался также ученику колледжа Фелипе Трехо – отъявленному лентяю и наглецу, гордившемуся тем, что позволял себе издавать непотребные звуки на уроках аргентинской истории.

– Поверьте, Лопес, этому гаденышу не должны были разрешить сесть на пароход. Ведь ко всему прочему он несовершеннолетний.

– Он не только сядет на пароход, но и прихватит с собой родственников, – возразил Лопес, – Я узнал об этом от приятеля репортера, который ухитрился взять интервью у некоторых обладателей выигрышей.

Бедняга Рестелли, бедный важный Черный Кот. Тень колледжа теперь будет неотступно преследовать его в течение всего путешествия, если, конечно, оно состоится, и звонкий смех учащегося Фелипе Трехо отравит ему невинный флирт, празднество Нептуна, шоколадное мороженое и обычно столь забавную процедуру морского крещения. «Если б он только знал, что я распивал пиво с Трехо и его приятелями на Пласа Онсе и что это от них я узнал о Шляпенции и Черном Коте... У бедняги такое косное представление о том, каким должен быть преподаватель».

– Это как раз хороший признак, – с надеждой промямлил доктор Рестелли. – Присутствие родителей всегда сдерживает. Вы не согласны? Впрочем, как можно с этим не согласиться.

– Обратите внимание, – прервал его Лопес, – на этих двойняшек, а может, очень похожих друг на друга сестер, они идут со стороны улицы Перу, сейчас пересекают Авениду. Видите?

– Не совсем уверен, – сказал доктор Рестелли. – Одна в белом, а другая в зеленом?

– Совершенно верно. Но та, что в белом, красивее.

– Да, хороша. Именно эта, в белом. Гм, отличные ножки. Может, только слишком семенил. Не направляются ли они к нам на собрание?

– Нет, доктор, они явно пройдут мимо.

– Какая жалость. Должен вам признаться, была у меня однажды девушка. Очень похожа на одну из этих.

– На ту, что в белом?

– Нет. На ту, что в зеленом. Вечно буду помнить, как... Впрочем, вам это, наверно, не интересно. Да? Ну что, закажем еще пива, ведь до собрания целых полчаса. Девушка эта была из порядочной семьи и знала, что я женат. И все же, как говорится, сама бросилась мне в объятия. О, какие это были ночи, друг мой!...

– Я никогда не сомневался в вашей Кама Сутра, – заверил Лопес – Роберто, еще пива!

– Ну и жажда у сеньоров, – сказал Роберто. – Сильно парит. Наверняка пойдет дождь. Да и в газетах об этом было.

– Ну уж если в газетах, значит, святая правда, – сказал Лопес. – Я, кажется, начинаю догадываться, кто будет нашими товарищами по путешествию. У них лица выражают то же, что и у нас, не то радость, не то недоверие. Присмотритесь, доктор, и вы сами убедитесь в этом.

– Почему недоверие? – спросил Рестелли. – Ваши подозрения необоснованны. Вот увидите, мы очалим точно во время, указанное на обороте билета. Это вам не какая-нибудь лотерея, а государственная. Билеты распространялись в лучших кругах, и трудно ожидать подвоха.

– Я восхищаюсь вашим доверчивым отношением к бюрократическим порядкам, – заметил Лопес – По-видимому, таков ваш внутренний склад. А я вот неуравновешенный человек, я всегда во всем сомневаюсь. Не то что я не доверяю этой лотерее, но просто не раз спрашивал себя, а не получится ли так, как с «Хельрией».

– «Хельрия» была организована, по всей видимости, еврейскими агентствами, – сказал доктор Рестелли. – Даже ее название, если вдуматься, говорит об этом... Я не антисемит, уверяю вас, но уже на протяжении нескольких лет я замечаю, как всюду проникает эта нация, если хотите, в некоторых отношениях весьма достойная. За ваше здоровье.

– За ваше, – сказал Лопес, едва сдерживая смех. «А в пять и часов вышла маркиза?» В дверь с Авенида-де-Майо то и дело заходили завсегдатаи. Лопес воспользовался этнографическими, по всей видимости, размышлениями своего собеседника, чтобы как следует осмотреться. Почти все столики были заняты, но лишь за немногими царил дух предстоящих странствий. Стайка девушек покидала кафе, как обычно смущенно толкаясь и смеясь, поглядывая на своих доброжелателей и недоброжелателей. Почтенная сеньора, окруженная детьми, направлялась в небольшой зал с чинно застеленными столами, где другие сеньоры и тихие парочки поглощали прохладительные напитки, пирожные и даже аперитивы. Вошел юноша (парень что надо) с очень хорошенькой девушкой (пальчики оближешь) и уселись поодаль. Они были возбуждены, настороженно переглядывались, стараясь скрыть волнение, которое выдавали их руки, теребившие портфель и сумочку, разминавшие сигареты. За окном в привычном беспорядке бурлила Авенида-де-Майо. Вопили газетчики, громкоговоритель расхваливал какой-то товар. Яростно светило летнее солнце в половине шестого пополудни (в этот обманчивый час, подобный стольким убежавшим вперед или запоздавшим часам), тянуло смесью бензина, раскаленного асфальта, одеколона и мокрых опилок. Лопес даже удивился, но Туристская лотерея на какой-то миг показалась ему бессмысленной. Только длительная привычка портеньо<sup>3</sup> – чтобы не сказать больше и не впасть в метафизику – помогала отыскать смысл в спектакле, который разыгрывался вокруг и увлекал его. Самое хаотичное представление о хаосе бледнело перед таким столпотворением при тридцати трех градусах в тени, движением в разных направлениях, бесчисленными шляпами, портфелями, регулировщиками, номерами «Расон»<sup>4</sup>, автобусами и пивом – всем, что было втиснуто в каждый отрезок времени с головокружительной быстротой сменяло друг друга. Вот женщина в красной юбке и мужчина в клетчатом пиджаке идут навстречу друг другу, приближаются, пока доктор Рестелли опрокидывает в рот кружку пива, а прекрасная девушка (наверняка прекрасная) достает губную помаду. Теперь женщина и мужчина уже разминулись, показав один другому спину, кружка медленно опускается, а губная помада чертит извечную кривую. Но кому, кому могла показаться странной эта лотерея.

---

<sup>3</sup> Коренной житель Буэнос-Айреса,

<sup>4</sup> Название аргентинской газеты.



## II

- Два кофе, – заказал Лусио.
- И стакан холодной воды, пожалуйста, – добавила Нора,
- С кофе воду всегда подают, – сказал Лусио.
- Верно.
- Ты все равно никогда ее не пьешь.
- А сегодня у меня жажда, – ответила Нора.
- Да, здесь жарко, – меняя тон, сказал Лусио. И, наклонившись к ней, добавил: – У тебя

усталый вид.

- Еще бы, с этим багажом столько забот...
- По-моему, слова «заботы» и «багаж» не очень сочетаются, – заметил Лусио.
- Да.
- Ты действительно устала.
- Да.
- Этой ночью выспишься.
- Надеюсь, – ответила Нора.

Как всегда, Лусио говорил самые невинные вещи, но Нора уже научилась понимать тон, каким они были сказаны. Наверно, она опять не выспится, ведь это будет ее первая ночь с Лусио. Их вторая первая ночь.

- Красоточка моя, – глядя ей руку, сказал Лусио. – Миленькая красоточка.

Норе припомнился отель «Бельграно», первая ночь, проведенная с Лусио, но, пожалуй, это следовало скорее забыть, а не вспоминать.

- Вот глупая, – сказала Нора. – Положила ли я в несессер лишний тюбик губной помады?
- Хороший кофе, – сказал Лусио. – Как думаешь, у тебя дома не догадались? Это меня не очень беспокоит, но хотелось бы избежать неприятностей.

- Мама уверена, что я ушла в кино с сестрой.
- Завтра наверняка ужасный скандал поднимут.

– Теперь они уже ничего не поделяют, – ответила Нора. – Подумать только, совсем недавно мы праздновали мой день рождения... Буду надеяться в первую очередь на папу. Он не плохой человек, но мама вертит им как хочет, да и всеми остальными.

- А здесь становится все жарче.
- Ты нервничаешь, – сказала Нора.
- Да нет, просто хочется скорей сесть на пароход. Тебе не кажется странным, что нас попросили сперва прийти сюда? Наверное, повезут в порт на автобусах.

– Интересно, а кто еще поедет с нами? – спросила Нора. – Вот эта дама в черном, как ты думаешь?

– Нет. С какой стати станет путешествовать такая дама. Может, те двое, что беседуют за соседним столиком.

- Да, поедет много, человек двадцать, не меньше.
- Ты что-то бледна, – сказал Лусио.
- Это из-за жары.
- Ну, теперь отдохнем на славу, – сказал Лусио. – Хорошо, если б нам досталась удобная кабина.
- С горячен водой, – добавила Нора.
- Да, и с вентилятором и с иллюминатором. И чтобы на верхней палубе.
- Почему ты говоришь «кабина» вместо «каюта»?

– Да так. Кабина, по-моему, как-то красивей... А то каюта, вроде койки без уют... Я тебе говорил, что ребята из конторы хотели прийти проводить нас?

– Проводить нас? – удивилась Нора. – Как так? Значит, они все знают?

– Ну, не нас, а меня, – сказал Лусио. – Они ничего не знают. Я говорил только с Медрано, в клубе. Он свой парень. Не забудь, он ведь тоже едет, так что лучше было заранее ему сказать.

– Надо же, такое совпадение, – сказала Нора. – Даже не верится!

– Сеньора Апельбаум предложила нам билеты одного разряда. А остальные, кажется, разошлись в Бока. Почему ты такая красивая?

– Скажешь тоже, – ответила Нора, позволяя Лусио пожать себе руку, Всякий раз, как он испытующе наклонялся к ней с подобным вопросом, она слегка отстранялась, но так, чтобы не обидеть его. Лусио посмотрел на ее улыбающиеся губы, открывшие ряд ослепительно белых мелких зубов (сбоку виднелась золотая коронка). Если бы им досталась хорошая каюта и Нора смогла бы как следует отдохнуть этой ночью. И еще ей надо было кое-что выкинуть из головы (а ведь ничего особенного не произошло, просто надо было выкинуть из головы эту нелепицу, за которую она держится). Он заметил Медрано, входившего со стороны Флориды вместе с какими-то разодетыми типами и дамой в кружевной блузке. Почти успокоенный, он поднял руку. Медрано узнал его и направился к их столику.

### III

«Лондон» – неплохое место в такое пекло. От Лории до Перу всего десять минут ходу, а потом можно освежиться и полистать «Критику»... Куда труднее было улизнуть от Беттины, чтобы не вызывать у нее подозрений. Медрано придумал собрание выпускников тридцать пятого года с аперитивом в каком-нибудь баре и ужином в «Лопрете». После выигрыша в лоте-рею он уже наплел столько небылиц, что последняя почти ненужная ложь ничего не меняла.

Беттина осталась лежать в постели голая, с романом Пруста, на ночном столике жужжал вентилятор. Все утро они занимались любовью, отрываясь лишь для того, чтобы немного поспать либо выпить виски или кока-колы. Закусив холодным цыпленком, они обсудили достоинства пьесы Марселя Эме, поэмы Эмилио Бальягаса <sup>5</sup> и курс, по которому котируется мексиканский орел. В четыре часа Медрано принял душ, а Беттина открыла роман Пруста (до этого они еще раз предались любви). В метро, сочувственно разглядывая студента колледжа, который изо всех сил старался казаться подвыпившим, Медрано мысленно подвел итог первой половине дня и остался доволен. Можно было начинать субботу.

Проглядывая «Критику», он продолжал думать о Беттине, сам немного удивляясь этому. Прощальное письмо (ему нравилось называть его посмертным) было написано предыдущей ночью, когда Беттина спала с распущенными волосами, выпростав из-под простыни ногу. Все было объяснено, за исключением, разумеется, новых возражений, какие могли прийти ей в голову, а личные дела решены. С Сусаной Дапери он порвал таким же образом, даже не покидая страны, как сейчас; каждый раз при встрече (особенно па вернисажах, куда обязательно стекался весь Буэнос-Айрес) Сусана улыбалась ему, как старому другу, не высказывая ни упрека, ни сожаления. И он представил себе, как, столкнувшись с ним на Писарро, Беттина дружески ему улыбнется. Ну хотя бы просто улыбнется. Но скорее всего, Беттина возвратится к себе на Раух, где ее ждут ничего не подозревающие безгрешные родичи и две кафедры родного языка.

– Доктор Ливингстон, I suppose <sup>6</sup>, – сказал Медрано.

– Позволь представить тебе Габриэля Медрано, – сказал Лусио. – Садись, че <sup>7</sup>, и выпей чего-нибудь. – Он пожал робкую Норину руку и заказал сухого мартини. Нора не ожидала, что у Лусио такой старый друг. Ему было не меньше сорока, но выглядел он очень элегантно в костюме из итальянского шелка и белой рубашке. Лусио никогда не сумеет так одеться, даже если у него заведутся деньги.

– Как вы находите этих людей? – спросил Лусио. – Мы пытались угадать, кто из них отправится путешествовать. Кажется, в газете опубликован список пассажиров, по у меня его нет.

– Список, к счастью, Далеко не полный, – сказал Медрано. – Кроме моей персоны, там пет еще двоих или троих, очевидно пожелавших избежать огласки или семейных скандалов.

– Здесь также и провожающие.

– Да, конечно, – согласился Медрано и подумал о спящей Беттине. – А вот, кстати, и Карлос Лопес с каким-то важным сеньором. Вы не знакомы с ними?

– Нет.

– Лопес года три тому назад посещал клуб, с тех пор я его и знаю. Вероятно, это было незадолго до вашего вступления. Пойду спрошу, не едет ли он тоже.

Лопес ехал, и они поздоровались, весьма довольные тем, что повстречались при таких приятных обстоятельствах. Лопес представил доктора Рестелли, который заметил, что лицо

---

<sup>5</sup> Кубинский поэт.

<sup>6</sup> Если не ошибаюсь (*англ.*).

<sup>7</sup> Че – широко распространенное в Аргентине обращение к другу или близкому знакомому.

Медрано ему знакомо. Медрано, увидев, что соседний столик освободился, поспешил пригласить Нору и Лусио. На это ушло некоторое время, ибо в «Лондоне» не так-то просто пересестись на другое место, не вызвав явного недовольства у официантов. Лопес позвонил Роберто, и тот с неохотой помог им переселиться, опустив в карман целый песо, за который даже не поблагодарил. Расфуфыренные юнцы расшумелись и требовали по второй порции пива. Нелегко было вести беседу в этот час всеобщей жажды, когда все старались втиснуться в «Лондон», жертвуя последним глотком кислорода ради жалкой кружки пива или «индиан тоник». Уже не было никакой разницы между баром и улицей, по Авениде вверх и вниз двигалась плотная толпа с пакетами, газетами и портфелями, особенно много было портфелей всевозможных цветов и размеров.

– Итак, – сказал доктор Рестелли, – если я правильно понял, все мы, здесь присутствующие, будем иметь удовольствие совершить совместно это увлекательное путешествие...

– Да, будем иметь, – сказал Медрано. – Однако боюсь, как бы к нашему обществу не присоединилась и часть вон той шумной компании, что слева от нас.

– Вы так думаете, че? – с беспокойством спросил Лопес.

– У них совершенно бандитский вид, – сказал Лусио. – Сидеть рядом с такими на футболе куда пишло, но охоть на пароходе...

– Кто знает, – возразила Нора, считая своим долгом вступить за современную молодежь. – Может, они очень симпатичные.

– Вот, пожалуйста, – сказал Лопес, – какая-то скромненькая девушка, кажется, намерена к ним присоединиться. Да, так оно и есть. А ее сопровождает дама в черном, по виду весьма добродетельная.

– Это мать с дочерью, – безошибочно определила Нора. – Бог мой, как они вырядились.

– Несомненно, – сказал Лопес, – они тоже поедут и тоже приедут с нами, если мы вообще отправимся и возвратимся...

– Вот она демократия... – начал доктор Рестелли, по голос его потонул в шуме и криках, донесшихся от метро. Расфуфыренные юнцы, казалось, поняли поданный им сигнал, и тут же один из них ответил диким воплем, а другой, сунув два пальца в рот, пронзительным свистом, ...низведенная до панибратства, – закончил наконец доктор Рестелли.

– Совершенно верно, – вежливо подтвердил Медрано. – Между прочим, никак не пойму, зачем это люди пускаются в плавание.

– Простите, не понял.

– Я говорю, с какой целью они отправляются в морское путешествие.

– Ну, по-моему, – сказал Лопес, – это всегда увлекательней, чем оставаться на суше. Я лично очень доволен, что могу совершить такое путешествие за десять песо. К тому же не забывайте, жалованье за это время нам выплачивается, а это уже значительный выигрыш. Такую возможность упускать нельзя.

– Согласен, пренебрегать этим не стоит, – сказал Медрано. – Что же касается меня, то благодаря выигрышу я смог пока закрыть свой кабинет и таким образом хоть ненадолго избавиться от созерцания кариозных зубов. Но признайтесь, вся эта история... У меня не раз возникало предчувствие, что кончится она как-то... Ладно... определение можете подобрать сами – это легко заменимый член предложения.

Нора посмотрела на Лусио.

– По-моему, вы преувеличиваете, – сказал Лусио. – Если каждый начнет отказываться от выигрыша из опасения, что его надуют...

– Не думаю, чтобы Медрано имел в виду обычное надувательство, – сказал Лопес, – скорее, он чувствует здесь какой-то, если можно так сказать, возвышенный обман. (Заметьте, только что вошла дама в платье, которое... Словом, она тоже едет. А вон там, доктор, в окру-

жении любящей семьи обосновался наш ученик Трехо. Кафе все больше начинает походить на трансатлантический лайнер.

– Никак не возьму в толк, как это сеньора Ребора могла продать билеты учащимся, и тем более этому, – сказал доктор Рестелли.

– Невыносимая жара, – сказала Нора, – пожалуйста, закажи мне что-нибудь прохладительное.

– На пароходе нам будет хорошо, вот увидишь, – сказал Лусио, махая рукой, чтобы привлечь внимание Роберто, обслуживавшего компанию молодых весельчаков, которых становилось все больше и которые заказывали кофе с молоком, молоко с шоколадной трубочкой, сэндвичи с колбасой и черное пиво, меню необычное для этого заведения или, во всяком случае, для столь раннего часа.

– Да, я тоже думаю, там будет прохладней, – сказала Нора, с опаской поглядывая на Медрано. Она продолжала испытывать беспокойство от разговора с Лусио и теперь старалась скрыть свое волнение, поддерживая пустой разговор. У нее побаливал живот, и, может, надо было сходить в туалет. Но не хотелось подниматься из-за стола на глазах у всех этих господ. Может, потерпеть? Да, конечно. Наверное, просто болят мышцы. Какая им достанется каюта? Если с двумя узкими койками одна над другой, она бы предпочла верхнюю. Но Лусио, облачившись в пижаму, наверняка заберется и наверх.

– Нора, а вы когда-нибудь путешествовали по морю? – спросил Медрано. Судя по всему, он привык, едва познакомившись с девушкой, называть ее по имени. И вообще перед женщинами не робел. Нет, она никогда не путешествовала, каталась по дельте, но это, конечно... А он путешествовал? Да, немного поездил в молодости (как будто он старый) – в Европу, Соединенные Штаты, на конгрессы одонтологов и как турист. Франк за десять сентаво – представляет себе.

– Здесь, к счастью, все оплачено, – сказала Нора и прикусила язык. Медрано смотрел на нее с симпатией и немного покровительственно. Лопес тоже смотрел на Нору с симпатией и с восхищением истинного портеньо, который не пропустит ни одной красотишки. Если бы все мужчины на пароходе оказались такими приятными, путешествие удалось бы на славу. Нора отпила гранатового напитка и чихнула. Медрано и Лопес продолжали покровительственно улыбаться, а Лусио словно приготовился защитить ее от столь дружеского проявления симпатии. Белая голубка опустилась на перила у входа в метро. В толпе, снующей вверх и вниз по Авениде, она казалась чужой и безразличной. И так же безразлично она взмыла в воздух. В угловую дверь вошла женщина, ведя ребенка за руку. «Еще один ребенок, – подумал Лопес. – Этот уж наверняка поедет, если мы вообще поедem. Скоро пробьет шесть, роковое время. В этот час всегда что-нибудь случается».

## IV

- Здесь должны подавать вкусное мороженое, – сказал Хорхе.
- Ты так думаешь? – спросила Клаудиа, с заговорщицким видом поглядывая на сына.
- Конечно. Лимонное, да еще с шоколадом.
- Ужасная смесь, но если тебе нравится...

Стулья в «Лондоне» были на редкость неудобные, словно созданные для одной цели – поддерживать тело в строго вертикальном положении. Клаудиа устала от сборов в дорогу, в последнюю минуту она обнаружила, что недостает кое-каких необходимых вещей, и Перено пришлось сбегать в магазин (к счастью, у него уже все было готово, он собрался, как на небольшой пикник), пока она запирала квартиру и писала письмо, одно из тех писем, которые пишущие в последнюю минуту, бездумных и лишенных всяких чувств... Зато теперь она отдохнет до изнеможения. Ей давно следовало бы отдохнуть. «Давно надо было устать, чтобы потом отдохнуть», – поправила она, лениво играя словами. Перено скоро явится, в последний момент он вспомнил, что не запер какие-то бумаги в своей таинственной комнатке в Чакарите, где хранил книги по оккультным наукам и рукописи, которые никогда не будут напечатаны. Бедный Перено, вот кому действительно следовало отдохнуть. Просто счастье, что Клаудии разрешили (после телефонного звонка доктора Леона Левбаума некоему инженеру) взять Перено как дальнего родственника и почти контрабандой протащить его на пароход. Перено, как никто другой, заслужил этот лотерейный выигрыш, Перено – бессменный корректор у Крафта, вечный постоялец дешевых пансионов в западной части города, любитель ночных прогулок в порту и по улочкам Флореса. «Ему больше, чем мне, пойдет на пользу это несуразное путешествие, – думала Клаудиа, рассматривая свои ногти. – Бедный Перено».

От кофе ей стало лучше. Значит, она отправляется в путешествие с сыном, прихватив в придачу старого друга под видом дальнего родственника. Она ехала, потому что выиграла в лотерею, потому что Хорхе, а еще больше Перено полезен морской воздух. Снова и снова повторяла она про себя: «Значит, отправляемся...» Клаудиа рассеянно отхлебнула кофе, снова отдаваясь своим мыслям. Нелегко ей было пуститься в этот путь, решиться на такой шаг. Уехать на три месяца или на всю жизнь не слишком большая разница. Не все ли равно? У нее не было ни большого счастья, ни большого горя, а ведь только эти крайности помогают преодолеть резкие перемены. Муж оплатит содержание Хорхе в любом уголке земли, куда бы она ни уехала. В ее распоряжении рента, деньги на черный день, аккредитивы.

– Все, кто здесь, поедут вместе с нами? – спросил Хорхе, отрываясь от мороженого.

– Нет, конечно. Но если хочешь, давай отгадывать. Вот эта сеньора в розовом наверняка поедет.

– Ты так думаешь? Она очень некрасивая.

– Хорошо. Не станем ее брать. А теперь давай ты.

– Вон те сеньоры за дальним столиком, вместе с сеньоритой.

– Очень может быть. Кажется, они симпатичные. У тебя есть носовой платок?

– Да. Мам, а пароход большой?

– Думаю, да. Это, кажется, какой-то особый пароход.

– А его кто-нибудь видел?

– Возможно, и видел, но никто о нем ничего не знает.

– Значит, он некрасивый, – меланхолично заметил Хорхе. – Красивые корабли все знают.

Перено! Перено! Мам, вон Перено.

– Перено, и вдруг пунктуален, – сказала Клаудиа. – Можно подумать, лотерея изменила все привычки.

– Перено пришел! А что ты мне принес, Перено?

– Новости с планеты, – ответил Перено; Хорхе с восхищением посмотрел на него.

## V

Учащегося Фелипе Трехо очень интересовало то, что происходило за соседним столиком. – Представляешь, – говорил Фелипе отцу, вытиравшему пот со всем изяществом, на какое только он был способен. – Часть этих кикимор поедет вместе с нами.

– Ты бы мог выражаться поприличней, Фелипе, – запричитала сеньора Трехо. – И когда только этот мальчишка научится хорошим манерам.

Беба Трехо внимательно изучала косметику у себя на лице с помощью зеркальца от Эйбара, которое при случае использовала как перископ.

– Ладно, а вот эти каракатицы, – снисходительно процедил Фелипе. – Представляешь? Эти наверняка с рынка.

– Не думаю, что все они поедут, – сказала сеньора Трехо. – Возможно, вот эта пара и вот эта сеньора, по всей видимости мать девушки.

– Фу, как они вульгарны, – сказала Беба.

– Фу, как они вульгарны, – передразнил сестру Фелипе.

– Не дури.

– Тоже мне, герцогиня Виндзорская. И такая же красавица, вылитая.

– Дети, прекратите, – сказала сеньора Трехо.

Фелипе наслаждался сознанием своего неожиданного превосходства, но пользовался им пока осторожно. В первую очередь стоило поставить на место сестрицу и отомстить ей за все, что он вытерпел от нее до сих пор.

– За другими столиками вполне приличные люди, – заметила сеньора Трехо.

– Очень прилично одетые люди, – ответил сеньор Трехо.

«Они мои приглашенные, – ликующе подумал Фелипе и чуть не закричал от радости. – Предок, старуха и эта дура. Теперь буду делать все, что захочу». Он обернулся к сидевшим за соседним столиком и подождал, чтобы кто-нибудь из них обратил на него внимание.

– Вы случайно не отправляетесь в путешествие? – спросил он у брюнета в полосатой рубашке.

– Я нет, молодой человек, – ответил брюнет. – А вот этот юноша с мамой и эта сеньорита со своей мамой едут.

– А-а. Вы пришли провожать.

– Да. С семейством. Вам повезло, молодой человек.

– Ничего, – сказал Фелипе. – Может, вам повезет в следующей лотерее.

– Конечно. Надеюсь.

– Точно.



## VI

– Кроме того, у меня есть новости от восьминожки, – сказал Перено.

Хорхе положил локти на стол.

– А где ты ее нашел, под кроватью или в ванной? – спросил он.

– Она карабкалась по пишущей машинке, – ответил Перено. – Как ты думаешь, что она делала?

– Печатала на машинке.

– Какой умный мальчик, – сказал Перено Клаудии. – Разумеется, она печатала на машинке. Я принес ее письмо и сейчас прочту из него отрывок. Вот слушай: «Он уехал гулять по синему морю, бросив меня в горе на косогоре. И теперь множко и еще немножко станет ждать его бедная восьминожка». И подпись: «Твоя восьминожка, с любовью и укором».

– Бедная восьминожка, – сказал Хорхе. – Чем же она будет питаться без тебя?

– Спичками, графитными стержнями, телеграммами и баночкой сардин.

– Она же не сможет ее открыть, – сказала Клаудиа.

– Что ты, восьминожка все умеет, – ответил Хорхе. – А как наша планета, Перено?

– На планете, видимо, прошел дождь, – сказал Перено.

– Да, там шел сильный дождь, – подхватил Хорхе, – и муравье-человекам придется взбираться на плоты. Там был потоп или чуть поменьше?

Перено не был твердо уверен, но предполагал, что муравье-человеки сумеют выкарабкаться из беды.

– Ты не принес подзорную трубу? – спросил Хорхе. – Как же мы будем на пароходе наблюдать за планетой?

– С помощью астральной телепатии, – ответил, подмигивая, Перено. – Клаудиа, вы, видимо, устали.

– Эта сеньора в белом ответила бы, что во всем виновата повышенная влажность. Да, Перено, вот мы и здесь. Что-то нас ждет?

– Ах, вы об этом. У меня не было времени изучить этот вопрос, но я разрабатываю план.

– Какой план?

– Фронтальный. Каждую вещь, каждый факт необходимо изучать с разных сторон. Люди обычно избирают один и тот же метод и достигают половинчатых результатов. Я же всегда разрабатываю фронтальный план и синкретизирую результаты.

– Понимаю, – сказала Клаудиа, но по тону ее было件нятно, что ничего она не поняла.

– Надо действовать push-pull <sup>8</sup>, – сказал Перено. – Не знаю, сумел ли я выразить свою мысль. Иные вещи, что называется, преграждают нам путь, и необходимо сдвинуть их с места, чтобы увидеть, что происходит впереди. Например, женщин, не при ребенке будь сказано. А иные надо хватать за ручку и тянуть. Этот парень Дали знает, что делает (правда, может, и не знает, но это неважно), когда изображает человеческое тело со множеством ящичков. Мне представляется, что у многих явлений есть ручки. Вдумайтесь, например, в поэтические образы. Если не вникать, то улавливаешь лишь поверхностный смысл, хотя порой он скрыт глубоко внутри. Вы довольствуетесь поверхностным смыслом? Конечно, нет. Необходимо потянуть за ручку, чтобы проникнуть в глубь ящика. Потянуть – это значит овладеть, усвоить и выйти за обычные рамки.

– А-а, – сказала Клаудиа, делая незаметный знак Хорхе, чтобы он высморкался.

– Здесь, например, каждый элемент полон значения. Каждый столик, каждый галстук. Я вижу элемент порядка в этом ужасном беспорядке. И я спрашиваю себя, чем все это кончится.

---

<sup>8</sup> Двухтактно (англ.).

– Я тоже. Это забавно.

– Все забавное всегда зрелищно; но не будем вдаваться в анализ, не то обнаружится его отвратительная суть. Учтите, я не против развлечений, но всякий раз, перед тем как развлекаться, я сначала закрываю лабораторию и выливаю кислоты и щелочи. Следовательно, я уступаю, подчиняюсь условностям. Вы прекрасно знаете, сколь драматичен юмор.

– Прочти для Перено стихотворение про Гаррика, – сказала Клаудиа сыну. – Очень хороший пример к его теории.

– Увидев Гаррика, английского актера... – громко начал декламировать Хорхе. Перено внимательно выслушал мальчика, наградил его аплодисментами. За другими столиками тоже захлопали, и Хорхе покраснел.

– *Quod erat demonstrandum* <sup>9</sup>, – сказал Перено. – Конечно, моя мысль носила более общий характер: любое развлечение подобно маске на нашей совести, которая, словно ожив, заменяет собой подлинное лицо. Почему смеется человек? Смеяться не над чем, разве что над самим смехом. Заметьте, что дети, которые много смеются, потом всегда плачут.

– Ну и глупые, – сказал Хорхе. – Хотите я вам прочту стихотворение про ловца жемчуга.

– На палубе парохода, вернее, на спардеке, под мерцающими звездами ты сможешь продекламировать все, что захочешь, – сказал Перено. – А теперь мне бы хотелось понаблюдать немного за этой полугастрономической средой, которая нас окружает. Что значат эти бандонеоны <sup>10</sup>?

– Мадонна, – сказал Хорхе зевая.

---

<sup>9</sup> Что и требовалось доказать (*лат.*).

<sup>10</sup> Бандонеон – музыкальный инструмент, вид баяна.

## VII

Черный «линкольн», черный костюм, черный галстук. Остальное расплывчато. Самым примечательным у дона Гало Порриньо были шофер с могучей спиной и кресло-каталка, где резиновые детали соперничали с хромированными. Чтобы посмотреть, как шофер и сестра милосердия вытаскивают дона Гало из автомобиля, собралась целая толпа. Жалость к немощному кабальеро, выразившаяся на лицах людей, умалялась от сознания, что он достаточно богат. В довершение всего дон Гало, походивший на общипанного цыпленка, смотрел столь высокомерно, что так и хотелось пропеть ему в лицо «Интернационал», правда, никто этого никогда не сделал бы, как заметил Медрано, хотя Аргентина свободная страна и музыкальное искусство широко распространено в лучших кругах ее общества.

– Я совсем забыл, ведь дон Гало тоже выиграл. Да и могло ли быть иначе? Но я никак не предполагал, что он может отправиться в это путешествие. Это просто невероятно.

– Вы знакомы с этим сеньором? – спросила Нора.

– Кто в Хунине не знает дона Гало Порриньо, достоин того, чтобы его закидали камнями на самой красивой площади с широкими тротуарами, – сказал Медрано. – Превратности профессии дантиста занесли меня в сей просвещенный город, где я долго страдал, пока пять лет тому назад, о счастливое время, не перебрался в Буэнос-Айрес. Дон Гало был едва ли не первым нотаблем, которого я узнал в Хунине.

– На вид он человек почтенный, – сказал доктор Рестелли. – Но откровенно говоря, если ты едешь в таком автомобиле, как-то странно...

– С таким автомобилем, – сказал Лопес, – он может выбросить капитана за борт и из парохода сделать пепельницу.

– На таком автомобиле, – сказал Медрано, – можно заехать очень далеко. Так сидите, до Хунина и даже до «Лондона». Один из моих недостатков – это сплетнеграфия, хотя должен сказать в свое оправдание, что меня интересует лишь высшая форма сплетен, а именно история. Ну что я могу рассказать вам о доне Гало? (Так обычно начинают некоторые романисты, которые прекрасно знают, о чем будут повествовать дальше.) Итак, ему, скорее, подошло бы имя Гай. Причину этого вы сами сейчас узнаете. В Хунине имеется большой магазин «Золото и Лазурь» – сакраментальное название; но если вы путешествовали по Буэнос-Айресу, в чем я весьма сомневаюсь, то знаете, что на улице Двадцать Пятого Мая <sup>11</sup> расположен другой магазин «Золото и Лазурь» и что вообще во всех центрах обширной провинции имеются свои филиалы «Золота и Лазури», расположенные на стратегически важных перекрестках. Одним словом, миллионы песо текут в карман дона Гало, трудолюбивого испанца, который, полагаю, приехал в нашу страну, как все его соотечественники, дабы с присущим им упорством трудиться в этой сонной и ленивой пампе. Дон Гало, одинокий паралитик, живет в своем палермском дворце... Хорошо вышколенная администрация заботится обо всех филиалах «Золота и Лазури»; управляющие – глаза и уши короля – следят, слушают, информируют и санкционируют. Я вас не утомил?

– О нет, – сказала Нора, ловившая каждое его слово.

– Итак, – продолжал иронически Медрано, упиваясь своим красноречием, которое, как он был уверен, мог оценить до конца лишь Лопес, – пять лет тому назад праздновалась бриллиантовая годовщина бракосочетания дона Гало с магазинами тканей, пошивочными мастерскими и прочая и прочая. Местные управляющие прослышали, что патрон ожидает от служащих чествований и намеревается произвести смотр всем своим магазинам. Я в то время дружил с Пеньей, управляющим хунинского филиала, он был сильно озабочен предстоящим приез-

---

<sup>11</sup> 25 мая 1810 г. было создано временное правительство провинции Рио-де-ла-Плата.

дом дона Гало. Пенья узнал, что визит будет носить чисто деловой характер и что дон Гало собирается проверить все вплоть до последней дюжины пуговиц. Вероятно, сыграла свою роль тайная информация. Все управляющие были одинаково обеспокоены, и в филиалах началась настоящая гонка. В клубе со смеху покатывались, когда Пенья рассказывал, как ему удалось подкупить двух коммивояжеров, которые сообщили о приготовлениях в филиалах на улице 9 Июля и в Пеуахо. Сам он старался изо всех сил: в магазине работали допоздна, и служащие ходили злые и напуганные.

Триумфальную поездку в собственную честь дон Гало начал, кажется, с Лобоса, посетил три-четыре магазина и в одну прекрасную солнечную субботу появился в Хунине. В те времена у него был синий «бьюик», но Пенья приказал подать открытый автомобиль, на котором не отказался бы въехать в Персеполь и Александр Македонский. Дон Гало был приятно поражен, когда Пенья со свитой встретил его у городских ворот и пригласил перейти в открытую машину. Кorteж величественно въехал на главный проспект. Я, никогда не пропускавший подобных зрелищ, устроился на краю тротуара, совсем рядом с магазином. Когда машина приблизилась, служащие магазина, расставленные в стратегических пунктах, принялись аплодировать. Девушки бросали белые цветы, а мужчины (в большинстве своем нанятые) приветствовали юбиляра золотисто-голубыми флажками. Во всю ширину улицы наподобие триумфальной арки висел транспарант, на котором красовалась надпись: «Добро пожаловать, Дон Гало!» Пенье этот порыв радушия стоил бессонной ночи, но старику пришлось рвение его подданных. Машина остановилась у магазина, аплодисменты усилились (извините, но эти надоевшие штампы здесь необходимы), и дон Гало, примостившись, как обезьяна, на краешке сиденья, изредка приветственно помахивал правой рукой. Конечно, он мог бы махать и двумя руками, но я вспомнил, что это был за фрукт, Пенья ничуть не преувеличивал. Феодал посещал своих вассалов, снисходительно и в то же время недоверчиво принимая почести, которые ему воздавали. Я ломал голову, стараясь вспомнить, где я видел подобную сцену. Но интересовало меня не внешнее сходство – то же самое можно встретить на любой официальной церемонии с флажками, плакатами и букетами цветов, – а то, что скрывалось за ним (но мне-то было ясно), что объединяло между собой перепуганных продавцов, беднягу Пенью и дона Гало с его полускусающим, полухищным лицом. Когда Пенья взгромоздился на скамейку, чтобы зачитать приветственную речь (должен признаться, что большая часть ее принадлежала мне, ибо чем еще развлечься человеку в маленьком городишке), дон Гало взъерошился на своем сиденье и время от времени утвердительно кивал головой, с холодной вежливостью отвечая на оглушительные хлопки служащих, раздававшиеся точно в тех местах, которые накануне указал Пенья. И в ту самую минуту, когда Пенья подошел к самому волнующему месту (лил в подробностях описали подвиги дона Гало, *selfmade man*<sup>12</sup>, самоучки и т. д. и т. п.), я заметил, что чествуемый герой сделал знак своему гориллоподобному шоферу, которого вы теперь видите перед собой. Горилла вылез из машины и что-то сказал человеку, стоявшему у тротуара, тот покраснел и шепнул на ухо соседу, который в свою очередь очень смутился и стал лихорадочно оглядываться по сторонам, словно искал спасения... Я понял, что дело близится к разгадке, еще немного, и я узнаю, почему происходящее кажется мне столь знакомым. «Наверно, он попросил серебряный урыльник, – мелькнуло у меня в голове. – Да это же Гай Трималхион! Боже мой, все в мире повторяется!...» Но нет, он, конечно, просил не урыльник, а всего-навсего стакан воды: это был прекрасно задуманный ход, направленный на то, чтобы сразить Пенью, свести на нет пафос его речи и восстановить свое превосходство, утраченное после трюка с открытой машиной.

Конца истории Нора не поняла, но ей передался смех Лопеса. Официант только что с трудом примостил дона Гало за столиком у окна и принес ему апельсиновый напиток. Шофер

<sup>12</sup> Человека, всем обязанного самому себе (англ.).

отошел и встал в дверях кафе, болтая с сестрой милосердия. Каталка доня Гало мешала всем, и это, по-видимому, доставляло ему огромное удовольствие. Лопес был поражен до глубины души.

– Не может быть, – повторял он. – С его увечьем и с его богатством отправляться в путешествие только потому, что оно бесплатное?

– Не совсем бесплатное, че, – ответил Медрано. – Лотерейный билет обошелся ему в десять песо.

– В старости некоторые деловые люди позволяют себе детские капризы, – заметил доктор Рестелли. – Я сам, хоть мне и повезло, спрашиваю себя, а следовало ли...

– Вон идут какие-то типы с бандонеонами, – сказал Лусио. – Не для нас ли?

## VIII

Сразу было видно, что это кафе для пижонов, с его министерскими креслами и официантами, которые строили кислые физиономии, стоило только попросить полную, без лишней пены кружку пива. Обстановка здесь не располагала, в этом-то и была вся беда.

Атилио Пресутти, более известный как Пушок, запустил правую пятерню в свои густые кудри морковного цвета и с трудом протащил ее до затылка. Затем подкрутил каштановые усы и взглянул на свое веснушчатое лицо в настенном зеркале. Очевидно, не удовлетворенный, он вынул из кармашка пиджака синюю расческу и, помогая себе обеими руками, привел в порядок шевелюру. Заразившись его аккуратностью, двое друзей Пушка тоже принялись поправлять прически.

– Это кафе для пижонов, – повторил Пушок. – Кому еще придёт в голову устраивать проводы в таком месте.

– А мороженое здесь хорошее, – сказала Нелли, стряхивая с лацкана Пушка перхоть. – Почему ты надел синий костюм, Атилио? От одного его вида меня в жар бросает, честное слово.

– Если бы я положил его в чемодан, он весь смялся бы, – ответил Пушок. – Я бы скинул пиджак, но тут как-то неудобно. А ведь могли бы собраться в баре на Ньято, там уютнее.

– Помолчите, Атилио, – сказала Неллина мать. – После того, что случилось в воскресенье, я не хочу слышать ни о каких проводах... Боже мой, как только вспомню...

– Да ничего и не случилось, донья Пена, – сказал Пушок. Сеньора Пресутти сурово посмотрела на сына.

– Как это ничего не случилось, – сказала она. – Ах, донья Пепа, уж эти дети... По-твоему, ничего не было? А твой отец в постели с вывернутой лопаткой и вывихнутой ногой.

– Подумаешь, – сказал Пушок. – Да старик посильнее паровоза.

– А что все-таки случилось? – спросил один из друзей.

– Разве вы не были с нами в воскресенье?

– А ты и не помнишь, что нас не было? Я тренировался перед боем. Когда тренируешься, никаких праздников. Да я тебе говорил, ты вспомни.

– Вот сейчас вспомнил, – сказал Пушок. – Ты много потерял, Русито.

– А что, был несчастный случай?

– Еще какой. Старик свалился с крыши во двор и чуть не убился насмерть... Ну и суматоха поднялась.

– Настоящий несчастный случай, – сказала сеньора Пресутти, – расскажи, Атилио. А то у меня, только вспомню, мурашки по всему телу.

– Бедная донья Пепа, – сказала Нелли.

– Бедняжка, – повторила Неллина мать.

– Да ничего там не было, – сказал Пушок. – Просто собралась паша компания, чтобы проводить Нелли и меня. Старуха испекла отменный пирог, а ребята принесли пива и бисквитов. Мы здорово устроились на плоской крыше; я с одним пареньком натянул тент, приволокли проигрыватель. Всего было вдосталь. А собралось нас не меньше тридцати человек.

– Больше, – возразила Нелли, – я считала, почти сорок. Помню, жаркого едва хватило.

– В общем, мы там отлично обосновались, не то что здесь, в этом мебельном складе. Старик, уселся во главе стола, рядом с доном Рана, из судоверфей. Ты знаешь, как мой старикан любит заложить за воротник. Погляди, какую рожу корчит старуха! Что, не правда, скажи? Да что в этом плохого? Одно помню, когда подали бананы, все мы здорово навеселе были, а старик пуще всех. Как он заливался, мама миа. И вот тут-то взбрело ему в голову провозгласить тост за наше путешествие; поднялся он с кружкой в руке и только собрался было разинуть рот, как

на пего напал кашель, да такой, что он попятился назад и полетел кубарем во двор. Ну и грохот учинил. Бедный старик. Точно мешок с кукурузой, ей-богу.

– Бедный дон Пипо, – сказал Русито, пока сеньора Пресутти доставала из сумочки платок.

– Ну, что ж вы, Атилио! Свою маму довели до слез, – сказала Неллина мать. – Не плачьте, донья Росита. В конце концов, ничего страшного не случилось.

– Конечно, – сказал Пушок. – Ты бы, че, только видел, какая кутерьма поднялась. Мы все бросились вниз, я был уверен, что старик свернул себе шею. Женщины голосили, словом, кутерьма. Я велел Нелли выключить проигрыватель, а донье Пепе пришлось оказывать помощь старухе, которой стало плохо. Бедняга, как она извивалась.

– А что с доном Нино? – спросил Русито, жаждавший крови.

– Старик просто чудо, – сказал Пушок. – Я как увидел его бездыханным на каменных плитах, подумал: «Все, теперь остался я без отца». Паренек побежал вызывать «скорую помощь», а мы стали стаскивать со старика рубаху – посмотреть, дышит ли он еще. А он, как только открыл глаза, сразу же полез в карман проверить, не сперли ли у него бумажник. Уж такой он, наш старик. Потом пожаловался, что у него болит спина, но ничего страшного не было. По-моему, он был не прочь продолжить попойку. Помнишь, старуха, как мы тебя притащили, чтобы ты посмотрела, что с ним ничего не приключилось? Куда там, вместо того чтобы успокоиться, она еще сильнее ударилась в слезы.

– Значит, впечатлительная, – сказала Неллина мать, – Однажды в моем доме...

– Словом, когда прикатила «скорая», старик уже сидел на земле и все мы хохотали, точно сумасшедшие. Жаль только, что два фельдшера со «скорой» ни за что не захотели оставить его дома. Словом, беднягу увезли, по зато я воспользовался тем, что какой-то тип попросил меня подписать не знаю какую там бумажку, за это мне посмотрели ухо, которое иногда закладывает.

– Потрясающе, – повторил Русито. – Надо же, какая жалость. Как раз в этот день у меня была тренировка.

Другой приятель, в огромном твердом воротничке, вдруг вскочил:

– Смотрите, кто идет! Ребята! Потрясающе!

Торжественные, с напояженными волосами, в безупречных клетчатых костюмах бандонеонисты из джаза Асдрубала Кресиди прокладывали себе дорогу между шумными столиками. Следом за джазистами вошел молодой человек в жемчужно-сером костюме и черной рубашке, в его кремовом галстуке красовалась булавка с эмблемой футбольного клуба.

– Мой брат, – сказал Пушок, хотя ни для кого не была секретом эта важная подробность. – Видите, пришел сделать мне сюрприз.

Известный исполнитель Умберто Роланд подошел к столику и с жаром пожал руки всем, кроме своей матери.

– Ну, брат, феноменально! – сказал Пушок. – А па радио тебя кто-то подменил?

– Придумал, будто у меня болят зубы, – ответил Умберто Роланд. – Иначе эти типы вычли бы у меня денежки. Вот ребята из оркестра тоже захотели проводить вас.

Роберто угрюмо придвинул еще один столик и поставил четыре стула. Артист заказал черный кофе с сахаром, а оркестранты предпочли пиво.

## IX

Паула и Рауль вошли в кафе со стороны Флориды и уселись за столиком у окна. Паула едва взглянула на посетителей, Рауль же стал отгадывать, кто из этой толпы потных портенно отправится с ним в морское путешествие.

– Не лежи у меня в кармане приглашение, я бы подумал, что это шутка одного из моих приятелей, – сказал Рауль. – Правда, невероятно? Как по-твоему?

– По-моему, сейчас просто невероятно жарко, – ответила Паула. – Но думаю, игра стоит свеч.

Рауль развернул кремовый листок бумаги и торжественно провозгласил:

– В восемнадцать часов в этом кафе. За багажом приедут на дом утром. Просьба являться без провожатых. Все прочее обеспечивает Организационное ведомство... Странная лотерея! Почему именно в этом Кафе, скажи на милость?

– Я уже пыталась разобраться во всей этой истории, – сказала Паула, – но поняла только, что ты выиграл в лотерею и взял меня с собой, навсегда лишив возможности попасть в «Кто есть кто в Аргентине».

– Напротив, это загадочное путешествие придаст тебе еще больше веса. Скажешь, что ты нуждалась в творческом уединении, что работала над монографией о Дилане Томасе, который моден сейчас в литературных кафе. А вот я считаю, что прелесть любого безумия как раз в том, что оно плохо кончается.

– Да, порой это действительно прелестно, – сказала Паула. – Как говорится: *Le besoin de la fatalité*<sup>13</sup>.

– В худшем случае нас ждет обычное морское путешествие, только без определенного маршрута, которое продлится от трех до четырех месяцев. Должен признаться, именно последнее обстоятельство заставило меня решиться. Куда нас могут увезти за такое время? В Китай, что ли?

– В какой из двух?

– В оба, дабы не поступиться традиционным аргентинским нейтралитетом.

– Дай бог, но вот увидишь, нас завезут в Геную, а оттуда в автобусе прокатят по всей Европе, пока от нас одни ошметки останутся.

– Сомневаюсь, – сказал Рауль. – Будь это так, они бы растрезвонили об этом всюду. А потом поди узнай, что у них там приключилось во время посадки.

– Так или иначе, – сказала Паула, – но о каком-то маршруте все же говорилось.

– Только вскользь. И очень невнятно, так что я ничего. Даже не запомнил, какие-то намеки, чтобы пробудить в нас жажду рискованных приключений. Словом, приятное путешествие, сообразующееся с международной обстановкой. Значит, нас не повезут ни в Алжир, ни во Владивосток, ни в Лас-Вегас. Самой большой приманкой оказались оплаченные отпуска. Какой чиновник устоит перед этим? Плюс чековая книжка с аккредитивами, это тоже не сбрасывай со счета. Доллары, ты только вдумайся, доллары!

– И возможность пригласить меня.

– Разумеется. Чтобы посмотреть, удастся ли соленому ветру и экзотическим городам излечить твой любовный недуг.

– Все лучше, чем люминал, – сказала Паула, быстро взглянув на Рауля. Он тоже посмотрел на нее. И еще некоторое время они смотрели друг на друга пристально, почти вызывающе.

– Ладно, – сказал Рауль, – оставь эти шутки. Ты же мне обещала.

– Ясно, – сказала Паула.

---

<sup>13</sup> Неотвратимость рока (франц.).



– Ты всегда говоришь «ясно», когда кругом темным-темно.

– А что я такого сказала: все лучше, чем люминал.

– Ладно, согласен, *on laisse tomber*<sup>14</sup>.

– Ясно, – повторила Паула. – Не сердись, красавчик. Я благодарна тебе за приглашение, поверь. Ты вытащил меня из болота, хотя и страдает моя жалкая репутация. Право, Рауль, я думаю, это путешествие пойдет мне на пользу. Особенно, если мы попадем в нелепую историю. Вот когда повеселимся.

– Как-никак, разнообразие, – сказал Рауль. – Мне надоело проектировать виллы для семейств вроде наших с тобой. Понятно, это дурацкий выход, и вообще не выход, а всего-навсего отсрочка. В конце концов мы возвратимся домой, и все пойдет по-старому. Возможно, лишь чуть лучше или чуть хуже прежнего.

– Никак не пойму, почему ты не взял с собой друга или просто более близкого тебе, чем я, человека.

– Возможно, именно потому, миледи, дабы никакая близость не связывала меня с великой южной столицей. Тем более близость, как ты знаешь...

– По-моему, – сказала Паула, смотря ему в глаза, – ты на-стоящий парень.

– Спасибо. Это не совсем верно, но ты поможешь мне сойти за него.

– Кроме того, я думаю, путешествие будет весьма, забавным. – Весьма.

Паула глубоко вздохнула, внезапно ощутив что-то похожее на счастье.

– Ты захватил таблетки от морской болезни? – спросила она.

Но Рауль не ответил – он разглядывал сборище шумных юнцов.

– Боже мой, – сказал он. – Похоже, один из них собирается петь.

---

<sup>14</sup> Довольно об лом (*франц.*).

## А

Воспользовавшись диалогом между матерью и сыном, Персио размышляет и наблюдает за тем, что происходит вокруг, воспринимая каждый объект через логос или извлекая из логоса нить, а из сущности – тонкий хрупкий след, который должен привести его к зрелищу – так бы ему хотелось – и открыть лазейку к синтезу. Без всяких усилий Персио отбрасывает фигуры, примыкающие к центральной общности, подбивает и накапливает значимый итог, постигает и осуждает окружающие обстоятельства, расчленяет и исследует, отделяет и кладет на весы. То, что он видит перед собой, принимает выпуклые очертания, способные вызвать холодный пот, галлюцинации, где нет ни тигров, ни жесткокрылых жуков, лихо-радку, которая терзает свою жертву без обезьяньих прыжков и эхололии лебедей. Вне кафе остались статисты, которые участвуют в проводах (но теперь это уже называют игрой), они не знают, чем все это кончится..Персио все больше и больше нравится откладывать на тарелке мимолетные конфигурации тех, кто остается, и тех, кто наверняка отправится в путешествие. Он знает о правилах игры не более других, но чувствует, что они рождаются тут же в каждом игроке, словно на безграничной шахматной доске, лежащей между немymi противниками, одни, чтобы стать слонами и конями, другие – дельфинами и шаловливыми сатирами. Каждая партия – это целая навмахия, каждый ход – поток слов или слез, каждая клеточка – крупинка песка, море крови, беличье колесо или фиаско жонглеров, что катятся по луку, сотканному из бубенцов и рукоплесканий.

Итак, городское средоточие добрых намерений, направленных на благотворительность и, возможно (точно неизвестно), на темную науку, по которой режет резцом судьба, фортуна счастливых – все, что породило это собрание в «Лондоне», это маленькое войско, в котором Персио угадывает правофланговых, фуражиров, перебежчиков и, быть может, даже героев, прикидывает дистанцию от аквариума до витрины, определяет льдинки времени, которые разделяют взгляд мужчины от улыбки, облаченной в *rouge*<sup>15</sup>, неисчислимую даль судеб, которые вдруг собираются вместе, образуя жуткое смешение одиноких существ, внезапно встретившихся после того, как они покинули такси, станции, любовниц и конторы, и вот они уже единое тело, но еще не осознавшее себя, не знающее, что оно странный предлог для туманной саги, которая, возможно, рассказывается напрасно или не будет рассказана вовсе.

<sup>15</sup> Здесь: губная номада (франц.).

## Х

– Таким образом, – сказал Перено со вздохом, – вдруг получится, что все мы единое целое, которое никто не видит или одни видят, а другие нет.

– Вы словно всплываете из-под воды, – сказала Клаудиа, – и хотите, чтобы я вас поняла. Скажите хотя бы, о чем речь. Или ваш фронтальный план абсолютно непостижим?

– Нет, что вы, – возразил Перено. – Просто всегда легче увидеть, чем рассказать об увиденном. Я безумно благодарен вам, Клаудиа, за то, что вы предоставили мне возможность попутешествовать. С вами и Хорхе мне будет так хорошо. Весь день на палубе я стану заниматься гимнастикой и распевать песенки, если это разрешено.

– Ты никогда не плавал на пароходе? – спросил Хорхе.

– Нет. Но я читал романы Конрада и Пио Барохи <sup>16</sup>, писателей, которыми ты будешь восхищаться через несколько лет. Вам не кажется, Клаудиа, что, пускаясь в какое-либо предприятие, мы отказываемся от частицы самого себя, чтобы приобщиться к почти всегда неизвестному механизму, некоей сороконожке, где мы становимся всего лишь колечками и тучкой выхлопных газов, выражаясь технически?

– Он сказал «газы»! – радостно закричал Хорхе.

– Сказал, но не в том смысле, в каком ты думаешь. Я считаю, Перено, что даже без того, что вы называете отказом, мы не ахти как велики. Мы слишком пассивны, слишком послушны судьбе. В лучшем случае мы своего рода столпники или святоши с птичьим гнездом на голове.

– Мое наблюдение не было аксиологическим, ни тем более нормативным, – сказал Перено с ученым видом. – В действительности я лишь вступаю в унанимизм, вышедший из моды, но стараюсь придать ему иное толкование. Ибо давно известно, что коллектив – это больше, а порой и меньше, чем обычная сумма слагаемых. Мне хотелось бы выяснить, если, конечно, мне удастся войти в этот коллектив, в то же время оставаясь вне его (а я полагаю, что это возможно), служит ли чему-нибудь эта произвольно складывающаяся и распадающаяся человеческая сороконожка, представляет ли она собой фигуру в магическом смысле слова и способна ли эта фигура в определенных условиях к движению более значительному, нежели движение ее отдельных членов. Уф!

– Более значительному? – переспросила Клаудиа. – Давайте сначала рассмотрим этот сомнительный термин.

– Когда мы наблюдаем какое-нибудь созвездие, – сказал Перено, – мы как бы заранее уверены в том, что гармония, ритм объединяют звезды, входящие в него; разумеется, мы сами превносим их, но превносим потому, что и в созвездии есть нечто, определяющее эту гармонию, – нечто более глубокое и значительное, чем отдельные звезды. Вы не замечали, что звезды, которые не входят в созвездия, кажутся незначительными рядом с созвездиями, этими нерасшифрованными письменами. Священная таинственность созвездий определяется не только астрологическими и мнемоническими причинами. Человек с самого начала должен был предчувствовать, что каждое созвездие – это своего рода клан, общество, раса; нечто резко противоположное ему, пожалуй даже антагонистическое. Иными ночами я испытывал на себе борьбу звезд, их неимоверно напряженную игру. И это несмотря на то, что с крыши нашего пансиона не слишком хорошая видимость: ведь в воздухе всегда полно дыма.

– Ты смотрел на звезду в телескоп, да, Перено?

– О нет, – ответил Перено. – На некоторые вещи необходимо смотреть невооруженным глазом. Я не против науки, но думаю, что только поэтическое видение способно проник-

---

<sup>16</sup> Пио Бароха (1872 – 1956) – испанский писатель, представитель так называемого «поколения 1898 года».

нуть в смысл фигур, начертанных ангелами. Сегодня вечером в этом жалком кафе, возможно, появится одна из таких фигур;

– Где эта фигура, Перено? – спросил Хорхе, оглядываясь вокруг.

– Она начинается с лотереи, – очень серьезно ответил Персио. – С помощью шаров из сотен тысяч людей были выбраны несколько мужчин и женщин. Они в свою очередь выбрали себе попутчиков (чему я весьма рад). Обратите внимание, Клаудиа, в этой фигуре нет ничего прагматичного либо функционального. Мы не розетка готического собора, а эфемерная розочка, на миг застывшая в игрушечном калейдоскопе. Но прежде чем эта розочка распадется и уступит место новому прихотливому узору, в какие игры мы станем играть друг с другом, как будут сочетаться цвета, холодные и теплые, тусклые и яркие настроения и темпераменты, безрассудные и практические?

– О каком калейдоскопе ты говоришь, Перено? – спросил Хорхе.

Послышались звуки танго.

## XI

И мать, и отец, и сестра учащегося Трехо пришли к выводу, что неплохо было бы заказать чай с пирожными. Поди узнай, когда удастся поужинать на пароходе, и, кроме того, нельзя же начинать путешествие с пустым желудком (мороженое не в счет, это не еда, раз оно тает). На пароходе первое время надо будет есть всухомятку и лежать на спине. При морской болезни хуже всего самовнушение. Тетю Фелису начинает мутить, стоит ей только оказаться в порту или просто увидеть в кино подводную лодку. Фелипе, зеленея от тоски, слушал эти набившие оскомину фразы. Теперь его мать расскажет, как ее укачало в молодости во время прогулки по дельте. Потом папаша напомним ей, как он советовал в тот день не есть так много дыни. Потом сеньора Трехо ответит, что виновата была вовсе не дыня, потому что она ела ее с солью, а от посоленной дыни ничего плохого не бывает. Потом ей захочется узнать, о чем разговаривают за своим столиком Черный Кот с Лопесом. О колледже, конечно, о чем же еще могут разговаривать между собой учителя. Вообще-то ему следовало бы пойти поздороваться с ними, но к чему – он еще увидит их на пароходе. Лопес ему совсем не мешал, напротив, он свой парень, но какого черта выигрыш выпал этому сухарю Черному Коту.

Он снова невольно подумал о Негрите, которая осталась дома одна, с не очень печальным видом, хотя и немного опечаленная. Не из-за него, конечно. Лентяйку огорчило то, что она не смогла поехать вместе с хозяевами. Вообще-то он идиот; если бы как следует настоял, чтобы ее взяли, матери в конце концов пришлось бы уступить. Или Негриту, или никто. «Но, Фелипе...» А что? Разве плохо иметь при себе прислугу? Они, конечно, сразу бы догадались о его намерениях. Они способны сделать ему пакость, благо он еще несовершеннолетний, наябедничают судье, и прощай пароход. Интересно, отказались бы старики из-за Негриты от путешествия? Конечно, нет. А вообще, какое ему дело до Негриты. До самого последнего времени она не пускала его к себе в комнату, хотя он изрядно тискал ее в коридоре и обещал купить наручные часики, как только выклянчит деньги у старика. Бедная девчонка, на что ей рассчитывать с такими ногами... Однако вопреки этим мыслям Фелипе почувствовал, как по всему его телу разлилась приятная истома, он выпрямился на стуле и на какую-то долю секунды опередил Бебу, схватив пирожное, где было побольше шоколада.

– Снахальничал, как всегда. Обжора.

– Помалкивай, ты, дама с камелиями.

– Дети... – сказала сеньора Трехо.

Кто знает, найдутся ли на пароходе стоящие девки. Невольно припомнился Ордоньес, заводила с пятого курса, советы, какие давал он на скамейке у конгресса в летнюю ночь. «Выше нос, парень, ты уже не маленький, не теряйся». Фелипе возражал презрительно и немного смущенно, Ордоньес отвечал панибратским похлопыванием по колену. «Ладно, ладно, не корчи из себя жеребчика. Я старше тебя на два года и знаю, что в твоём возрасте это только игра в куклы. Плохого тут ничего нет. Но теперь, когда ты стал ходить на танцы, этого мало. Первую, которая позволит, хватай и волоки в Тигре <sup>17</sup>, там полапаешь ее вдосталь. Если ты на мели, скажи, я попрошу моего брата, счетовода, он уступит тебе свою берлогу. На постели всегда лучше, усек...» И масса воспоминаний, подробностей, дружеских советов. Несмотря на стыд и досаду, Фелипе был благодарен Ордоньесу. Как он отличался, например, от Альфиери... Правда, Альфиери...

– Кажется, будет музыка, – сказала сеньора Трехо.

– Какая пошлятина, – сказала Беба. – Такое не должны позволять.

<sup>17</sup> Пригород Буэнос-Айреса.

Уступив настойчивым просьбам родственников и друзей, популярный певец Умберто Роланд поднялся из-за столика, а Пушок и Русито с помощью локтей и уговоров принялись расчищать место для трех музыкантов и их инструментов. Слышался смех и шуточки; у окон кафе, выходящих на Авениду, теснились прохожие. С улицы в окно с явным недоумением заглядывал полисмен.

– Потрясающе! Потрясающе! – кричал Русито. – Че Пушок, у тебя великий брат!

Пушок снова очутился рядом с Нелли и, размахивая руками, призывал всех к тишине.

– Чутьочку внимания, че! Мама миа, да это заведение – настоящий содом!

Умберто Роланд откашлялся и пригладил волосы.

– Просим извинить нас, что мы не смогли прийти с оркестром, – сказал он. – Выступим, как сумеем.

– Давай, парень, давай.

– В знак прощания с моим дорогим братом и его славной невестой я исполню вам танго Виски и Кадикамо «Отчаянная крошка»!

– Потрясающе! – крикнул Русито.

Бандонеонисты проиграли вступление, и Умберто Роланд, сунув левую руку в карман брюк, а правой взмахнув в воздухе, запел:

О че мадам, ты знаешь по-французски,  
на ужин у тебя шампанское с закуской,  
соришь деньгами, не жалеешь красоты  
и танго поверяешь все свои мечты...

Как ни странно, в «Лондоне» оказалась хорошая акустика: едва за столиком, где сидел Пушок, воцарилась мертвая тишина, разговоры за другими столиками зазвучали громче и отчетливей. Пушок и Русито кидали вокруг яростные взгляды, а Умберто Роланд пел грудным голосом:

Твой ухажер – индеец камба,  
а ведь тебе лишь двадцать лет...

Карлос Лопес почувствовал себя совершенно счастливым, а чем незамедлительно сообщил Медрано. Доктор Рестелли – как он сам выразился – был явно удручен тем, какой оборот приняли события.

– Завидная непринужденность у этих людей, – сказал Лопес. – Это уже почти совершенство, если вспомнить, что они из себя представляют. Ведь им и в голову не приходит, что в мире существует что-то, кроме танго и клуба Расинг.

– Взгляните на дона Гало, – сказал Медрано. – Старик, по-моему, вконец перепугался.

Дон Гало, выйдя из оцепенения, грозными знаками подозвал шофера. Тот подбежал к хозяину, выслушал его и снова поспешно вышел. Все видели, как он разговаривал с полицейским, который наблюдал с улицы Флорида за сценой в кафе. Видели и жест полицейского, когда он поднял руку и словно поманил кого-то.

– Да, конечно, – добавил Медрано. – Но в конце концов, что в этом плохого.

Тебя зовут отчаянною крошкой,  
ты водишь за нос простаков без счета...

Паула и Рауль по-настоящему наслаждались этой сценой, Лусио и Нора, напротив, были заметно шокированы. Семейство Фелипе застыло в холодном отчуждении, а сам Фелипе зача-

рованно смотрел на неистово мелькавшие пальцы бандонеонистов. Чуть в стороне Хорхе уплетал вторую порцию мороженого, а Клаудиа с Перено все дальше забредали в дебри метафизического диалога. И, словно не замечая ничего вокруг, не обращая внимания на равнодушие и веселье завсегдатаев «Лондона», Умберто Роланд приближался к печальной развязке в судьбе гордой креолки:

Неверной ты всегда была мне,  
любовь мою ты не хранила...

Среди криков, рукоплесканий, стука чайных ложечек о столы поднялся потрясенный Пушок и крепко обнял брата. Пожав руки трем музыкантам, он ударил себя в грудь и, вытащив огромный носовой платок, высморкался. Умберто Роланд снисходительно поблагодарил за аплодисменты, с привычной улыбкой выслушал похвалы Нелли и остальных сеньор. Вдруг ребенок, на которого до того никто не обращал внимания, поперхнувшись куском пирожного, издал дикий рев. За столиком засуетились, все кричали и требовали, чтобы Роберто скорее принес стакан воды.

– Ты был бесподобен, – растроганно говорил Пушок.

– Как обычно, не более, – скромно отвечал Умберто Роланд.

– А какое чувство! – заметила Неллина мать.

– Он у нас всегда такой, – сказала сеньора Пресутти. – А вот об учебе и слышать не хочет.

Одно искусство.

– Точно, как я, – сказал Русито. – Да пошла она, эта учеба, подальше. Гребни деньгу, и вся недолга.

Нелли извлекла кусок пирожного из горла малыша. Зеваки, столпившиеся у окон, начали расходиться, доктор Рестелли с видимым облегчением провел пальцем под накрахмаленным воротничком.

– Итак, – сказал Лопес. – Кажется, уже пора.

Двое мужчин в темно-синих костюмах расположились в середине зала. Один из них коротко ударил в ладоши, а другой жестом призвал к тишине и голосом, способным перекрыть любой шум, объявил:

– Всех сеньоров, не имеющих письменного приглашения, а также всех провожающих просим покинуть помещение.

– Что, что? – спросила Нелли.

– То, что нам пора сматывать удочки, – сказал один из друзей Пушка. – Надо же, только начали как следует веселиться.

Когда прошло первое удивление, послышались возмущенные возгласы и протесты посетителей кафе. Мужчина, только что державший речь, поднял руку и сказал:

– Я инспектор Организационного ведомства и исполняю приказ свыше. Приглашенных прошу оставаться на своих местах, а всех остальных – немедленно покинуть помещение.

– Посмотри, – сказал Лусио, обращаясь к Норе. – Авенида оцеплена полицейскими. Это, скорее, похоже на облаву.

Официанты «Лондона», пораженные не менее посетителей, не успевали получать по счету, возникли затруднения со сдачей, делались попытки вернуть несъеденные пирожные, были и другие осложнения. За столиком, где сидел Пушок, раздавались громкие рыдания. Сеньора Пресутти и Неллина мать совершали тягостный обряд прощания с родственниками, остающимися на суше. Нелли утешала мать и свою будущую свекровь, Пушок обнимал Умберто Роланда и обменивался дружескими похлопываниями по спине со всеми приятелями.

– Счастливого пути! Счастливого! – кричала молодежь. – > Пиши нам, Пушок!

– Я пришлю тебе открытку, че!

– Не забывай друзей, че!

– Да как можно! Счастливо!

– Да здравствует Бока <sup>18</sup> – кричал Русито, вызываясь глядя на соседние столики.

Два важных господина приблизились к инспектору Организационного ведомства и установились на него, словно он свалился с другой планеты.

– Вы можете подчиняться любым приказам, – сказал один из них, – но я еще никогда в жизни не видел подобного произвола.

– Проходите, проходите, – не глядя на них, сказал инспектор.

– Я доктор Ластра, – сказал доктор Ластра, – и так же, как вы, прекрасно знаю свои права и обязанности. Это кафе общественное, и никто не имеет права заставить меня покинуть его без письменного приказа.

Инспектор молча достал бумагу и показал ее господину.

– Ну и что же, – сказал другой господин. – Это всего лишь узаконенный произвол. Разве мы находимся на осадном положении?

– Направьте, пожалуйста, свой протест по соответствующим каналам, – сказал инспектор. – Че Виньяс, проводи этих дам из зала. Не то они тут будут пудриться до утра.

Толпа людей, пытавшаяся через полицейский кордон рассмотреть, что происходит в кафе, в конце концов задержала движение на Авениде. Посетители покидали кафе с удивленными и расстроенными лицами, выходя на Флориду, где не было такого скопления народа. Господин по имени Виньяс и инспектор Оргведомства обходили столики, требуя предъявить пригласительные билеты и точно указать сопровождающих лиц. Полицейский, навалясь на стойку, болтал с официантами и кассиром, получившими строгий приказ не покидать своих мест. «Лондон» опустел, и можно было подумать, что еще раннее утро, если бы не наступившие сумерки и не доносившийся с улицы шум.

– Ладно, – сказал инспектор. – Можно опускать жалюзи.

---

<sup>18</sup> Район в Буэнос-Айресе.



## В

*По какой причине паутина или картина Пикассо должны быть такими, какие они есть, то есть почему картина не должна объяснить паутину, а паук не должен определять сущность картины? Что значит быть таким, как есть? Увиденное в самой маленькой частице мела будет зависеть от облака, проплывающего за окном, или от надежды наблюдателя. Предметы приобретают больший вес, если их рассматривать; восемь плюс восемь – шестнадцать, плюс тот, кто считает. Значит, быть таким, как есть, возможно, именно не быть таким, а лишь столько стоить, столько обещать, настолько обманывать. В таком случае совокупность людей, которые должны сесть на пароход, сама по себе не гарантирует посадку, если предположить, что обстоятельства изменятся и посадки не будет или ничто не изменится и посадка произойдет; в таком случае паутина, или картина Пикассо, или совокупность людей примет определенную форму и уже нельзя будет считать последнюю совокупностью людей, которые должны совершить посадку. Извечное красноречивое и печальное побуждение возникает от желания, чтобы скорее что-то произошло и наконец все успокоилось, и тогда по столикам «Лондона» неудержимо побегут капельки ртути – чудо из детства.*

*Что приближает нас к предмету, что толкает и направляет к нему? Обратная сторона предмета – таинство, которое его заставило (именно заставило, и невозможно сказать «привело...») стать тем, чем он есть. Историк искусства, проходя по галерее коллажей Ганса Арпа, не в состоянии их перевернуть, он вынужден созерцать их только с лицевой стороны по обеим сторонам галереи, видеть коллажи Ганса Арпа, словно это всего лишь полотна, свисающие со стен. Историк прекрасно знает причины битвы при Заме, без сомнения знает, но эти известные ему причины всего лишь другие формы Ганса Арпа в других галереях, и причины этих причин или следствия причин этих причин блестяще освещены с лицевой стороны, как формы Ганса Арпа в любой другой галерее. Тогда то, что приближает к предмету, его обратная сторона, будь она зеленой или мягкой, обратная сторона следствия и обратная сторона причин, другое зрение и другое осязание, вероятно, могли бы осторожно развязать розовые или лазурные тесемки маски, открыть лицо, дату, условия в галерее (прекрасно освещенной) и указкой терпения водить по великой поэзии.*

*Таким образом, пока спасительная аналогия не внесла свои блестящие альтернативы в наше настоящее и будущее, «Лондон» можно представить полом, где на высоте десяти метров расположена грубая шахматная доска с плохо расставленными фигурами, нарушающими черно-белое содружество клеток, их неподвижное согласие, в двадцати сантиметрах от нас румяное лицо Атилио Пресутти, в трех миллиметрах – блестящая поверхность никеля (пуговица, зеркало?), а в пятидесяти метрах – гитарист, написанный Пикассо в 1918 году, моделью для которого послужил Аполлинер. Если расстояние, которое делает предмет тем, чем он есть, измеряется нашей уверенностью в знании предмета таким, какой он есть, то не стоило бы продолжать это описание, с радостью и рвением плести его нить. Еще меньше стоило бы надеяться на объяснение причин, по которым их созвали, достаточно конкретизированных в письмах с официальным штампом и подписью. Развитие во времени (неизбежная точка зрения, извращенная причинность) воспринимается лишь как следствие жалкого эллинистического распределения по клеточкам прошлого, настоящего и будущего, порой завуалированного галльской непрерывностью или вневременным и неясным, гипнотическим оправданием. Подлинность происходящего в данный момент (полиция опустила жалюзи) отражает и расчленяет время на неисчислимые грани, из части этих граней, возможно, удастся извлечь прозрачный луч, вернуться назад – и тогда в жизни Паулы Лавалье вновь появится, сад Акассуссо, а Габриэль Медрано прикроет дверь своего детства с разноцветными стеклами. Только и всего, но это все же меньше, чем ничто в сельве из листьев причинности, приведших к этому*

*собранию. История мира сверкает в любой латунной пуговице униформы любого полицейского, рассеивающего скопление людей. В тот самый миг, когда внимание концентрируется на этой пуговице (второй, считая от шеи), связи, которыми она полнится и которые заставляют ее быть тем, чем она есть, становятся как бы стремлением к ужасу пространства, перед которым бессмысленно даже упасть ниц. Вихрь, вырывающийся из пуговицы и грозящий поглотить того, кто на нее смотрит, если он осмеливается не только смотреть, есть разрушительное видение смертельной игры зеркал, ведущейся от следствия к причине. Когда плохие читатели романов намекают на необходимость достоверности, они безнадежно уподобляются идиоту, который после двадцати дней путешествия на борту морского лайнера «Клод Бернар» спрашивает, указывая на нос корабля: «C'est par-là-qu'on va-en-avant?»<sup>19</sup>*

---

<sup>19</sup> Это отсюда мы движемся вперед? (франц.).

## XII

Когда они вышли на улицу, было почти темно: рыжие тучи словно прилепились к небосклону. Инспектор тщательно отобрал двух полицейских, чтобы они помогли шоферу перенести дону Гало к автобусу, который ожидал поодаль, у здания муниципалитета. Расстояние и необходимость пересечь улицу очень затруднили доставку дону Гало; одному из полицейских пришлось даже задержать движение на углу улицы Боливара. Вопреки предположению Медрано и Лопеса на улице собралось немного зевак, прохожие приостанавливались, чтобы посмотреть на странный спектакль, разыгравшийся у «Лондона» с опущенными жалюзи, обменивались замечаниями и продолжали свой путь.

– А почему не подогнать автобус к самому кафе? – спросил Рауль у полицейского.

– Не приказано, сеньор, – ответил полицейский.

Благодаря знакомству, которое начал любезный инспектор и вдруг продолжили смущенные и развеселившиеся путешественники, образовалась плотная группа, словно свита, сопровождавшая каталку дону Гало. Автобус, по-видимому, был военный, хотя та его блестящих черных бонах с узкими окнами не было никаких надписей. Водворение дону Гало в автобус осложнилось из-за всеобщего замешательства и дружного желания помочь, особенно старался Пушок: вскочив на подножку, он давал мрачному шоферу самые противоречивые советы. Как только дон Гало был усажен на переднем сиденье, а каталку, точно огромный аккордеон, сложил шофер, путешественники забрались в автобус и расселись, двигаясь почти на ощупь по темному салону. Лусио и Нора, пересекшие Авениду под руку, отыскивали место поукромнее и затихли, с опаской поглядывая на остальных пассажиров и полицейских, стоявших вдоль улицы. Медрано и Лопес завели разговор с Паулой и Раулем, а доктор Рестелли обменивался короткими замечаниями с Перено. Клаудиа и Хорхе, каждый на свой лад, развлекались, остальные были слишком заняты разговором, чтобы обращать внимание на окружающих. Шум металлических жалюзи на окнах «Лондона», которые снова поднимали Роберто и другие служащие, прозвучал в ушах Лопеса заключительным аккордом, словно между ним и прошлым навсегда вставала некая преграда. Медрано снова закуривал, всматриваясь в едва различимые номера «Ла Пренса» на стендах. Автобус просигналил и медленно тронулся. Скорбящие родичи Пушка рассуждали о том, что все расставания печальны, ибо одни уезжают, а другие остаются, и, пока есть здоровье, путешествия всегда будут радостью для одних и горем для других, однако нельзя думать только об уезжающих, кто-то ведь и остается. Мир слишком скверно устроен, вечно одно и то же: одним все, другим ничего.

– Как вам понравилась речь инспектора? – спросил Медрано.

– Со мной всегда так, – сказал Лопес – Пока этот господин говорил, мне его объяснения казались убедительными и вполне меня устраивали. А сейчас они уже не кажутся мне такими неоспоримыми.

– Меня же забавляет обилие ненужных сложностей, – сказал Медрано. – Разве не проще было пригласить нас в таможню или на пристань? Как по-вашему? Можно подумать, что кто-то боялся лишиться себя тайного удовольствия подглядывать за нами из окон муниципалитета! Как в некоторых шахматных партиях, когда игра усложняется ради чистого интереса.

– Иногда, – сказал Лопес, – это делается, чтобы скрыть истинный замысел. Похоже, что-то у них не получилось с нашим путешествием и они плутуют или на самом деле не знают, что с нами делать.

– Это было бы неприятно, – сказал Медрано, вспоминая о Беттине. – Мне совсем не улыбается остаться на бобах в последний момент.

Низом – там уже было совсем темно – они добрались до северной гавани. Инспектор взял в руки микрофон и обратился к пассажирам с видом куковского гида. Рауль и Паула, сидевшие

впереди, заметили, что шофер старался нести машину очень медленно, чтобы дать инспектору время высказаться.

– Ты разглядела наших попутчиков, – сказал Рауль на ухо Пауле. – Довольно полно представлены все слои населения. Процветание и прозябание выражено достаточно ярко. И какого черта мы тут делаем.

– Я, например, намерена развлекаться, – ответила Паула. – Слышишь объяснения, какие дает наш Вергилий. Слово «трудности» не сходит у него с языка.

– За десять песо, что стоит билет, – Сказал Рауль, – глупо рассчитывать па удобства. Как тебе нравится вон та женщина с ребенком? У нее привлекательное лицо, приятные и тонкие черты.

– Более примечателен вот тот калека. Он похож па каракатицу.

– А молодой человек, путешествующий со своими родителями? Как он тебе?

– Вернее, родители, путешествующие со своим сыном.

– Он, пожалуй, выделяется среди этого серого семейства, – сказал Рауль.

– Все зависит от того, с какой стороны на это посмотреть, – отчеканила Паула.

Инспектор делал особый упор на необходимость во что бы то пи стало сохранять спокойствие, присущее воспитанным людям, и не возмущаться мелкими неполадками и трудностями, «организационными трудностями».

– Но все прекрасно, – говорил доктор Рестелли, обращаясь к Перено. – Все идет как надо, не правда ли?

– Я бы сказал, несколько сумбурно.

– Что вы, ничего подобного. Я полагаю, у властей были причины организовать наше путешествие именно таким образом. Не скрою, я бы кое-что изменил, и в первую очередь состав пассажиров, имея в виду, что не все из них соответствуют определенному уровню. Например, молодой человек, что сидит через проход...

– Мы еще не знакомы, – сказал Персио. – И думаю, никогда и не познакомимся...

– Возможно, вы не сталкивались с такими субъектами, но мне в силу моих обязанностей преподавателя...

– Ну, знаете ли, – сказал Перено, делая величественный жест рукой. – Во время кораблекрушений самые отъявленные мерзавцы порой совершают героические поступки. Вспомните хотя бы случай на «Андреа Дориа».

– Не помню, – сказал немного задетый доктор Рестелли.

– Там один монах спас моряка. Как видите, заранее никогда ничего не известно. Вас не встревожили слова инспектора?

– Он все еще говорит. Может быть, нам следует его послушать.

– Он все время повторяется. А мы уже почти подъехали к причалу, – сказал Перено.

Хорхе вдруг вспомнил о своем резиновом мячике и о бильбоке с золоченым украшением. В каком они лежат чемодане? А книжки Дэви Кроккета?

– Вещи нам доставят в каюту, – сказала Клаудиа.

– Вот здорово! Двухместная каюта. Мам, а тебя укачивает?

– Нет. Кроме Перено, боюсь, никого и не укачает. Разве только кого-нибудь из этих сеньор и сеньорит, которые сидели за столиком, где пели танго. Тут ничего не поделаешь.

Фелипе Трехо мысленно перебирал названия портов, где будут стоянки (если только непредвиденные обстоятельства не внесут изменений в последнюю минуту, сказал инспектор). Сеньор и сеньора Трехо смотрели на улицу, провожая глазами фонарные столбы, словно прощаясь с ними навсегда, словно разлука с ними была невыносимой.

– Как грустно покидать родину, – сказал сеньор Трехо.

– Подумаешь! – фыркнула Беба. – Мы же вернемся.

– Вот именно, дорогая, – сказала сеньора Трехо. – Всегда возвращаешься в тот уголок, где ты появился на свет, как говорится в стихах.

Фелипе смаковал названия, словно это были изысканные фрукты; он вертел их во рту, чуть надкусывал: Рио, Дакар, Кейптаун, Иокогама. «Никому из нашей ватаги не увидеть столько чудес сразу, – думал он. – Буду посылать им открытки с видами...» Закрыв глаза, он вытянулся на сиденье. Инспектор говорил о какой-то предосторожности...

– Должен указать вам на необходимость соблюдать известную предосторожность. Ведомство учло все детали, однако в последний момент может возникнуть непредвиденное, и это повлечет некоторые изменения в маршруте.

Инспектор сделал паузу, автобус остановился, и в наступившей тишине совершенно неожиданно прозвучал клекот дона Гало:

– А на какой пароход нам садиться? Почему до сих пор мы не знаем, на каком пароходе поплывем?...

## XIII

«Вот он, этот вопрос, – подумала Паула. – Злосчастный вопрос, который может все испортить. Сейчас ответят: „Садитесь на...“»

– Сеньор Порриньо, – сказал инспектор, – название парохода как раз и представляет собой одну из трудностей, о которых я говорил ранее. Час тому назад, когда я имел честь присоединиться к вам в кафе, Ведомство пришло к соглашению по данному вопросу, однако за это время могли произойти неожиданные изменения, которые повлекут за собой определенные последствия. Считаю целесообразным подождать несколько минут, и тогда, надеюсь, наши сомнения рассеются.

– Отдельную каюту, – сухо сказал дон Гало, – с отдельным туалетом. Такова договоренность.

– Договоренность, – любезно поправил его инспектор, – это не совсем то слово, однако полагаю, сеньор Порриньо, в данном вопросе трудностей не ожидается.

«Это не сон, иначе все было бы слишком просто, – подумала Паула. – Рауль назвал бы это, скорее, рисунком, рисунком...»

– Каким рисунком? – спросила она.

– Какой еще рисунок? – удивился Рауль.

– На какой рисунок, по-твоему, все это похоже?...

– Анаморфный, ослица. Да, почти анаморфный. Выходит, мы даже не знаем, на каком пароходе поедем?

Они рассмеялись: это их нисколько не волновало. Зато доктор Рестелли был впервые поколеблен в своих убеждениях относительно государственных порядков. Лопеса и Медрано выступление дон Гало побудило выкурить еще по одной сигарете. Они тоже забавлялись происходящим.

– Похоже на волшебный поезд, – сказал Хорхе, единственный, кто понимал все, что происходит. – Влезешь в него, а там разные чудеса: по лицу ползает косматый паук, пляшут скелеты...

– Мы всю жизнь жалуемся, что не происходит ничего интересного, – сказала Клаудиа, – а стоит чему-нибудь случиться (только случай и может быть интересным), как многие из нас начинают волноваться. Не знаю, как вас, а меня волшебные поезда развлекают куда больше, чем станция «Феррокарриль хенераль Рока».

– Разумеется, – сказал Медрано, – но дело в том, что дон Гало и кое-кого еще беспокоит состояние неизвестности. Бот почему они так озабочены и интересуются названием парохода. А что может дать название? Разве оно спасет нас от того, что мы называем «завтра», от этого чудовища, которое не открывает своего лица и подчинить которое невозможно.

– Между прочим, – сказал Лопес, – впереди начинают вырисовываться контуры небольшого военного корабля и грузового судна. Вероятней всего, шведского, они всегда такие светлые, чистенькие...

– Хорошо говорить о неопределенности будущего, – сказала Клаудиа. – Это тоже своего рода приключение, пусть обыденное, по приключению; в этом случае будущее приобретает особый смысл. Если настоящее имеет для нас неповторимый вкус, то лишь потому, что будущее служит для него некой приправой, да простят мне столь кулинарную метафору.

– Однако не всем нравятся острые приправы, – заметил Медрано. – Возможно, существует два совершенно противоположных способа усилить чувство настоящего. Ведомство, например, предпочитает устранить всякое конкретное упоминание о будущем и создать налет нездоровой таинственности. И прорицатели, конечно, пугаются. А я, напротив, острее чувствую несуразность настоящего и поминутно смакую его.

– Я тоже, – сказала Клаудиа. – Но отчасти еще и потому, что не верю в будущее. Ведь от нас скрывают именно настоящее... Вероятно, они и сами не понимают, какую нагнали таинственность своими бюрократическими тайнами.

– Разумеется, не понимают, – сказал Лопес. – Но какая там таинственность. Просто неразбериха, путаница в документах, столкновение интересов должностных лиц – словом, как всегда.

– Ну и пускай, – сказала Клаудиа. – Лишь бы мы развлеклись, как сегодня.

Автобус остановился у складов таможни. Порт стоял погруженный в темноту, нельзя же было считать освещением одинокие фонари да изредка вспыхивавшие огоньки сигарет полицейских офицеров, ожидавших у приоткрытых ворот. В нескольких шагах лишь с трудом удавалось различить очертания предметов, тяжелый запах летнего порта пахнул в лицо пассажирам, которые, скрывая смущение и радость, стали выходить из автобуса. Дон Гало взгромоздился на свое кресло, и шофер покати его к воротам, куда инспектор повел всю группу. «Не случайно, – подумал Рауль, – все стараются держаться поближе друг к другу. Отстать – значит почти наверняка не поехать».

Подошел полицейский офицер и вежливо сказал:

– Добрый вечер, сеньоры.

Инспектор достал из кармана бумаги и передал их офицеру. Сверкнул луч электрического фонарика, вдалеке просигналил автомобиль, кто-то из пассажиров закашлялся.

– Сюда, пожалуйста, – сказал офицер.

Желтый глаз фонарика заскользил по цементному полу, заваленному соломенной трухой, обломками дерева и клочками бумаги. Голоса вдруг гулко разнеслись под сводами огромного и пустого пакгауза. Желтый глаз выхватил из темноты длинную таможенную стойку и замер, чтобы указать проход, к которому все осторожно продвигались. Раздался голос Пушка: «Ну и представление! Правда, похоже, как у Бориса Карлова». Когда Фелипе Трехо закурил сигарету (мать, окаменев, взирала на него, это было впервые в ее присутствии), трепетный свет спички на секунду озарил процессию, неуверенно шагавшую к воротам в глубине порта, окутанного ночным полумраком. Повиснув на руке Лусио, Нора шла с закрытыми глазами, пока они не очутились по другую сторону ворот, под темным, беззвездным небом, но где все же дышалось легче. Они первыми увидели пароход, и, когда Нора взволнованно обернулась, чтобы оповестить остальных, полицейские с инспектором окружили группу, фонарик погас, и теперь лишь смутный свет фонаря на столбе освещал начало деревянного настила. Инспектор хлопнул в ладоши, и из глубины пакгауза в ответ раздалось еще более отрывистые и резкие хлопки, словно кто-то неуклюже подшучивал над ними.

– Благодарю вас за проявленный дух сотрудничества, – сказал инспектор, – мне остается только пожелать вам счастливого плавания. Корабельные офицеры встретят вас и проводят в ваши каюты. Пароход отчалит через час.

Медрано вдруг почувствовал, что слишком долго оставался сторонним и скептическим наблюдателем, и вышел вперед. Как всегда в подобных случаях, ему стало смешно, но он сдержался. И так же, как всегда, он испытал тайное удовольствие, любуясь собой в тот момент, когда решался на какой-то шаг.

– Скажите, инспектор, все же известно, как называется наш пароход?

Инспектор учтиво наклонил голову. Даже в сумеречном свете блеснула его лысина.

– Да, сеньор, – сказал он. – Офицер только что сообщил мне, а ему телефонировали из центра. Пароход называется «Малькольм» и принадлежит компании «Маджента стар».

– Грузовое судно малого каботажа, – сказал Лопес.

– Нет, грузопассажирское, сеньор, и поверьте, одно из лучших. Прекрасные условия для небольшого избранного общества, как в данном случае. Я достаточно компетентен в этой сфере, хотя значительную часть своей деятельности посвятил налоговым учреждениям.

– Вы будете чувствовать себя превосходно, – сказал полицейский офицер. – Я поднялся на борт и могу вас заверить в этом. Команда бастовала, но теперь все улажено. Вы же знаете, что такое коммунизм, матросы все чаще выходят из повиновения, но, к счастью, мы живем в стране, где существует порядок и власть. И будь они хоть трижды иностранцами, в конце концов понимают что к чему и бросают свои пакости.

– Пожалуйста, на посадку, сеньоры, – сказал инспектор, отходя в сторону. – Мне было очень приятно познакомиться с вами, и я весьма сожалею, что не смогу сопровождать вас в путешествии.

Раздался смешок, показавшийся Медрано деланным. Пассажиры столпились у трапа, некоторые прощались с инспектором и полицейскими, Пушок снова стал помогать перетаскивать дону Гало, который, казалось, задремал. Дамы печально взялись за перила, и вся группа быстро и молча поднялась по трапу. Оглянувшись, Рауль (он уже добрался до нижней палубы) различил в полутьме, что инспектор и полицейские офицеры о чем-то тихо переговариваются. Все было словно приглушено: свет, голоса, даже плеск воды о борт парохода и набережную. Да и на мостике «Малькольма» не слишком было светло.



## С

*И снова Персио будет думать, будет фехтовать мыслью, точно коротким клинком, направляя его против глухой дрожи, которая достигает каюты, словно кто-то продирается сквозь бесчисленные фетровые лоскутки или скачет по роще пробковых дубов. Невозможно установить, в какой момент огромный лангуст задвигал главным шатуном, маховиком, в котором спавшая многие дни скорость гневно распрямляется, протирая глаза, и снова устремляет свои плавники, свой хвост, свои атакующие щупальца, свою хриплую сирену, свой привычно подвижный нактоуз против воздуха и моря. Не выходя из каюты, Персио уже знает все о судне и определяет свое место на нем в этот ацимичный миг, когда два грязных и упрямых буксира метр за метром увлекают огромную матицу из меди и железа, оторвав ее от каменного тангенса берега, и толкают к молу, будто повинуюсь его магнетизму. Лениво открывая черный чемодан, любясь шкафом, где все так хорошо помещается, вазами граненого стекла, удачно украшающими стены, письменным столом с папкой из светлой кожи, он чувствует, как все ускоряющиеся удары сердца корабля завершаются последним затухающим колебанием. И Персио пытается увидеть весь корабль, словно стоит на капитанском мостике, и, как у капитана, у него перед глазами нос корабля, передние мачты, крутая режущая линия, которая порождает эфемерную пену. Но видит он нос корабля словно на снятой со стены картине, которая лежит у него на ладонях: фигуры и линии верхней части сразу удалились и уменьшились, вертикальные пропорции, задуманные художником, нарушились, возникла совершенно иная, но столь же возможная и приемлемая композиция. Но лучше всего различает Персио с капитанского мостика (находясь в своей каюте, он словно грезит или просто видит капитанский мостик на экране радара) зеленоватую темноту с желтыми огнями по левому и правому борту, белый фонарь на призрачном бушприте (ведь невозможно, чтобы на «Малькольме» – этом современном грузовом судне, гордости «Маджента стар» – был бушприт). Из иллюминатора с толстым, фиолетового оттенка стеклом, который защищает его от речного ветра (все вокруг грязь, все вокруг Рио-де-ла-Плата – ну и название! – с сомами, может быть позолоченными, посеребренными в серебре Серебряной реки, о нелепость переплетений, громоздкая ювелирность!), Персио начинает различать нос корабля и палубу, с каждым мгновением видит ее все отчетливей, и она напоминает ему что-то знакомое, скажем, картину кубиста, только лежащую на ладонях, так, что нижний край картины выдвигается вперед, а верхний отступает назад. Итак, Персио видит искаженные контуры по правому и левому борту, а за ними неясные тени, быть может, такие же голубоватые, как у гитариста Пикассо, а в центре мостика две мачты, поддерживающие канаты, словно какую-то грязную и жалкую неизбежность, – две мачты, которые напоминают ему два круга на картине – один черный, другой светло-зеленый с черными полосами, а это не что иное, как голосник гитары, словно на полотне можно разместить две мачты, положив это полотно на ладони и превратив его в нос корабля – «Малькольма», – который выходит из Буэнос-Айреса, покачиваясь и скрипя на маслянистой сковороде реки.*

*Теперь Персио снова будет думать, только в противовес привычке всякого беспорядочного человека не будет стараться упорядочить то, что его окружает: желтые и белые фонари, мачты, буи, спасательные круги, – он будет думать о еще более грандиозном беспорядке, он раскинет крестом крылья мысли и отринет до глубин реки все, что задыхается в существующих формах – каюту коридор люк палубу поражение завтра круиз. Персио не верит в то, что происходящее вокруг него рационально, он не хочет, чтобы это было так. Он чувствует, как безупречно подогнаны кусочки плавучей головоломки, лица Клаудии или итиблет Атилио Пресутти, стюарда, который (возможно) мародерствует в коридоре у его каюты. И снова Персио чувствует, что этот изначальный час, который каждый путеше-*

ственник называет «завтра», может основаться на фундаменте, сооруженном этой ночью. Единственное, чего он страстно желает, – это великой возможности выбора: ориентироваться по звездам, по компасу, с помощью кибернетики, случайностей, логических принципов, темных доводов, досок пола, по состоянию желчного пузыря, детородному члену, по настроению, предчувствиям, христианской теологии, по Зенд Авеста, «молочку» пчелиных маток, по справочнику железных дорог Португалии, по сонету, по «Семана Финансьера», по форме подбородка дона Гало Порриньо, по буле, каббале, некромантии, *Bonjour, Tristesse*<sup>20</sup> или просто приспособлявая поведение на море к воодушевляющим инструкциям, содержащимся в любом пакете с таблетками Вальда?

Персио с ужасом отступает перед риском нарушить любую реальность, и его постоянная нерешительность сродни нерешительности хромофильного насекомого, которое пересекает поверхность картины, не ведая хамелеоновых намерений. Насекомое, привлеченное голубым цветом, продвинется вперед, обходя центральные части гитары, где царят желто-грязный и зелено-оливковый цвета, задержится на краю, словно плавая рядом, с кораблем, и, достигнув по мостику на правом борту высоты центрального отверстия, войдет в голубую зону, пересеченную обширными зелеными пространствами. Его колебания, его поиски мостика к другому голубому пятну можно сравнить с колебаниями, нерешительностью Персио, всегда боящегося тайных нарушений. Персио завидует всем, кто рассматривает свободу как проблему эгоцентрическую, ибо для него процесс открывания двери каюты складывается из его действия и двери, неразрывно связанных между собой в той степени, в какой его действие, направленное на открывание двери, содержит конечную цель, которая может оказаться ошибочной и нарушить звено в порядке, который он еще недостаточно уяснил себе. Говоря яснее, Персио – это одновременно и хромофильное и слепое насекомое, и необходимость или приказ обойти только голубые зоны картины обусловлены его постоянной и отвратительной нерешительностью. Персио наслаждается этими сомнениями, которые он называет искусством или поэзией, и считает, что его долг – изучать любую ситуацию с наибольшей широтой, не просто как ситуацию, но разлагая ее на воображаемые составные элементы, начиная с вербальной формы, к которой он питает весьма простодушное доверие, вплоть до ее отражений, которые он называет магическими или диалектическими в зависимости от настроения или от состояния его печени.

Возможно, мягкое покачивание «Малькольма» и усталость за день наконец сломят Персио, который зачарованно опустится на отличную кровать из кедра и позабавится, пробуя различные механические и электрические приспособления, предназначенные для удобства господ пассажиров. Но сейчас ему придет в голову мысль преждевременная и еще не окончательная, которая родилась несколько секунд назад, когда он поставил перед собой эту проблему. Без сомнения, Персио достанет из своей папки карандаши и бумагу, железнодорожный справочник и добрый час потрудится над всем этим, забыв о путешествии и о самом пароходе, потому что вознамерится сделать шаг к видимости и вступить в преддверие ее возможной и достижимой реальности, в то время когда другие пассажиры уже приняли эту видимость, квалифицировав и обозначив ее как необыкновенную и почти нереальную; чего еще ждать от существа, которое, расквашив себе нос, будет считать, что у него всего лишь аллергический насморк.

<sup>20</sup> «Здравствуй, грусть» – роман Франсуазы Саган.

## XIV

– Eksta vorbeden? You two married? <sup>21</sup> Etes-vous ensemble? <sup>22</sup>

– Ensemble plutôt que mariés, – сказал Рауль. – Tenez voici nos passeports <sup>23</sup>.

Офицер был маленького роста, какой-то скользкий. Он отметил в списке Паулу и Рауля и сделал знак матросу с обветренным красным лицом.

– Он проводит вас в каюту, – сказал офицер и, поклонившись, отошел к другому пассажиру.

Следуя за матросом, они вдруг слышали дружный хор голосов семейства Трехо. Пауле сразу понравился корабельный запах и дорожки в коридорах, скрадывающие шум шагов. Трудно было представить, что всего в нескольких метрах от них находится грязный причал и что инспектор с полицейским еще не ушли.

– А там начинается Буэнос-Айрес, – сказал Рауль. – Правда, невероятно?

– Невероятно, что ты говоришь «начинается». Как быстро ты приспособился к новой ситуации. Для меня порт всегда был местом, где город кончается. А сейчас больше, чем когда-либо. Со мной всегда так, когда я сажусь на пароход. «Начинается», – повторила Паула. – Ничто не кончается так просто. Я обожаю запах дезодорантов, лаванды, ядовитых средств против мух, моли. Девочкой я любила залезать в шкаф тети Кармелы; там было так темно и таинственно и пахло почти как здесь.

– This way, please <sup>24</sup>, – сказал матрос.

Он открыл каюту, зажег свет и только тогда отдал им ключи. Матрос ушел прежде, чем они успели дать ему чаевые или даже просто поблагодарить.

– Какая красота! Какая красота! – воскликнула Паула. – И как уютно!

– Вот теперь действительно кажется невероятным, что совсем рядом портовые пакгаузы, – сказал Рауль, пересчитывая чемоданы, сложенные на ковре. Все было на месте, и они решили развесить одежду и разложить вещи, некоторые из них могли показаться не совсем обычными. Паула завладела местом в глубине каюты, под иллюминатором. С удовольствием вытянувшись, она смотрела на Рауля, который, закулив трубку, продолжал раскладывать зубные щетки, пасту, книги и коробки с табаком. Любопытно будет увидеть Рауля рядом, на соседней постели. Впервые они будут спать в одной комнате после стольких свиданий и встреч в залах, салопах, кафе, поездах, автомобилях, на улицах и пляжах, в лесу. Впервые она увидит его в пижаме (аккуратно сложенная, она уже лежала на диванчике). Паула попросила у него сигарету, и он, дав ей закурить, сел рядом и посмотрел на нее весело и насмешливо.

– Pas mal, hein? <sup>25</sup> – сказал Рауль.

– Pas mal du tout, mon choux <sup>26</sup>, – сказала Паула.

– Ты очень красивая в этой позе.

– Она тебя возбуждает? – сказала Паула, и оба расхохотались.

– А не отправиться ли нам на разведку? – предложил Рауль.

– Хм. Я предпочитаю остаться здесь. С мостика видны огни Буэнос-Айреса, как в фильмах с Гарделем <sup>27</sup>.

---

<sup>21</sup> Вы муж и жена? (англ.)

<sup>22</sup> Вы вместе? (франц.)

<sup>23</sup> Да, скорее вместе, чем муж и жена. Вот наши паспорта (франц.).

<sup>24</sup> Сюда, пожалуйста (англ.).

<sup>25</sup> Не плохо, правда? (франц.)

<sup>26</sup> Совсем неплохо, милый (франц.).

<sup>27</sup> Карлос Гардель – «король танго», знаменитый аргентинский певец, киноактер.

– А чем тебе не нравятся огни Буэнос-Айреса? – спросил Рауль. – Я поднимусь.

– Хорошо. А я приберу в этом роскошном бордельчике, потому что твое представление о порядке... Какая красивая каюта, никогда не подумала бы, что нам могут дать такую красоту.

– Да, к счастью, она ничуть не похожа на каюты первого класса на итальянских пароходах. Преимущество этого грузовоза в строгом стиле. Дуб и ясень отражают протестантские вкусы.

– Но это еще не доказывает, что судно протестантское, хотя, может, ты и прав. Мне нравится, как пахнет твоя трубка.

– О, опасайся, – сказал Рауль.

– Чего опасаться?

– Как знать, может, запаха трубки.

– Молодой человек изволит изъясняться загадками, не так ли?

– Молодой человек будет приводить в порядок свои вещи, – сказал Рауль. – А то оставь тебя одну, наверняка потом среди моих платков окажется твой soutien-gorge <sup>28</sup>.

Он подошел к столу, поправил стопку книг и тетрадей. Проверил свет, пощелкав всеми выключателями. Его приятно удивило, что освещение у изголовья кровати можно регулировать. Молодцы шведы, если это шведы. Он как раз мечтал почитать во время путешествия, почитать в постели без всяких забот.

– В эту минуту, – сказала Паула, – мой деликатный братец Родольфо сожалеет в семейном кругу о моем сумасбродном поведении. Девушка из приличной семьи отправляется путешествовать неизвестно куда и еще отказывается назвать время отправления, чтобы избежать проводов.

– Интересно, что они подумали бы, если бы узнали, что ты делишь каюту с каким-то архитектором.

– Бедным ангелочком, который носит голубые пижамы и лелеет неведомую тоску и несбыточные надежды.

– Не всегда неведомую и не всегда тоску, – сказал Рауль. – Вообще-то соленый морской воздух приносит мне удачу. Правда, непостоянную, как птица, что кружит над кораблем и сопровождает его, порой один миг, порой целый день, но потом непременно исчезает. Меня никогда не трогало, Паулита, что счастье слишком быстротечно. Переход от счастья к привычке – одно из лучших орудий смерти.

– Мой брат тебе не поверил бы, – сказала Паула. – Мой брат решил бы, что мне серьезно угрожают похотливые намерения сатира. Мой брат...

– На всякий случай, – сказал Рауль, – если вдруг возникнет галлюцинация, мираж, ошибка в темноте, сон наяву или повлияет соленый воздух, будь осторожна и не слишком раскрывайся. Женщина, укрытая простыней до подбородка, защищена от пожара.

– Я думаю, – сказала Паула, – если у тебя появятся галлюцинации, я встречу тебя этим увесистым томом Шекспира.

– Странное, однако, предназначение для Шекспира, – сказал Рауль, открывая дверь. В проеме, точно в раме, показался Карлос Лопес, который в этот момент поднимал ногу, чтобы сделать следующий шаг. «Совсем как скачущая лошадь на фотографии», – подумал Рауль.

– Привет, – сказал Лопес, резко останавливаясь. – У вас хорошая каюта?

– Очень хорошая. Взгляните сами.

Лопес взглянул и заморгал, заметив Паулу, лежавшую на диване в глубине каюты.

– Привет, – сказала Паула. – Входите, если найдете, куда поставить ногу.

Лопес заметил, что их каюта очень похожа на его, только, разумеется, побольше. Затем добавил, что встретил сеньору Пресутти, выходящую из своей каюты, и успел различить на ее лице смертельную бледность.

---

<sup>28</sup> Бюстгалтер (франц.).

– Уже укачало? – спросил Рауль. – Будь осторожна, Паулита. Что же станется с этими сеньорами, когда мы увидим бегемотов и прочих морских чудищ. Наверное, у них начнется слоновая болезнь. Давайте пройдемся? Вас, кажется, зовут Лопес Меня Рауль Коста, а эта томная одалиска откликается на патрицианское имя Паула Лавалье.

– Далеко не патрицианское, – сказала Паула. – Оно, скорее, похоже на псевдоним киноактрисы, особенно Лавалье. Паула Лавалье. Рауль, прежде чем пойдешь смотреть на реку цвета львиной гривы, скажи, где моя зеленая сумка.

– Возможно, под красным жакетом или в сером чемодане, – сказал Рауль. – Палитра так разнообразна... Пойдемте, Лопес?

– Пойдемте, – ответил Лопес. – До свидания, сеньорита. Паула, истая портеньо, привыкла улавливать различные оттенки этого обращения.

– Зовите меня просто Паула, – сказала она таким тоном, чтобы Лопес догадался, что его намек она поняла и немного над ним посмеивается.

Рауль, стоя в дверях, вздохнул и поглядел на них. Он прекрасно знал все интонации Паулы, ее определенную манеру говорить определенные вещи.

– So soon, – сказал он словно про себя. – So, so soon <sup>29</sup>. Лопес взглянул на него. Они вышли вместе.

Паула села на край диванчика. Каюта вдруг показалась ей маленькой, тесной. Она поискала вентилятор и неожиданно обнаружила кондиционер. Машинально включила его, посидела в одном кресле, потом в другом, рассеянно разложила щетки на полочке. Решила, что ей хорошо, что она довольна. Это следовало решить именно сейчас, чтобы утвердиться в этом. Зеркало вернуло ей улыбку, когда она принялась осматривать ванную, окрашенную в светло-зеленый цвет, и Паула с симпатией взглянула на отражение рыжеволосой девушки с миндалевидными глазами, заразившее ее своим хорошим настроением. Она тщательно осмотрела все, что было в ванной, и подивилась изобретательности «Маджента стар». Запах хвойного мыла, которое она достала из несессера вместе с пакетом ваты и двумя гребешками, еще напоминал запах сада, не успев превратиться в воспоминание об этом запахе. А впрочем, почему в ванной на «Малькольме» должно пахнуть как в саду? Хвойное мыло приятно холодило руку, непочатый кусок мыла вообще заключает в себе какое-то волшебство, непорочность и хрупкость, а поэтому приобретает особую цену. И пена у хвойного мыла особая, мылятся оно непрямо, запах сохраняется долго, словно сосновый бор раскинулся в ванной, сосны в зеркале и на полочках, в волосах и на ногах, Паула вдруг решила раздеться и испробовать чудесный душ, столь любезно предложенный ей «Маджента стар».

Ленясь закрыть дверь в каюту, Паула медленно стягивает с себя лифчик. Ей нравится ее грудь, нравится все тело, словно выросшее вдруг в зеркале. Вода льется такая горячая, что Пауле приходится порядком повозиться с блестящим смесителем, прежде чем снова ступить в неправдоподобно маленький бассейнчик и задернуть пластиковую занавеску, отделившую ее словно игрушечной стеной. Запах хвои мешается с теплым воздухом, и Паула намыливается обеими руками, а потом красной резиновой губкой медленно размазывает пену по всему телу, по бедрам, под мышками, приклеивает ко рту, с наслаждением поддаваясь легкой качке, которая, словно играя, время от времени заставляет ее хвататься за краны и с тайным удовольствием произносить приятное грубое словечко. О банное междуцарствие, краткий миг после сухой, облаченной в одежды жизни! Обнаженная, отрешается она от времени, вновь становясь вечным телом (значит, и вечной душой?), подвластным хвойному мылу и струйкам воды, повторяя все ту же постоянную игру, в которой меняется лишь место, температура, ароматы. Но в тот миг, когда она заворачивается в желтое полотенце, повешенное рядом, за пластиком

---

<sup>29</sup> Очень скоро (англ.).

вой стенкой, она вновь вступает в суетный мир одетой женщины, словно каждая часть туалета связывает ее с историей, возвращая ей каждый год жизни, каждое звено воспоминаний, припечатывая к лицу будущее, словно глиняную маску. Лопес (если этот молодой человек, по виду истый портеньо, действительно Лопес), кажется, симпатичный. Жаль, конечно, что у него такое обычное имя – Лопес, но это еще не самое худшее; разумеется, его «до свидания, сеньорита» прозвучало с издевкой, но куда неприятней было бы услышать «до свидания, сеньора». Кто на борту «Малькольма» мог бы поверить, что она не спит с Раулем? Обычно людей не приходится убеждать в подобных вещах. Она снова подумала о своем братце Родольфо, таком чопорном юристе, таком докторе Крошгае при галстукe в красную крапинку. «Несчастный, несчастный замухрышка, он никогда не узнает, что значит пасть по-настоящему, броситься в гущу жизни, словно с самого высокого трамплина. И эти его вечные судебные заседания, и эта его мина порядочного человека». Она вдруг яростно стала расчесывать волосы перед зеркалом, обнаженная, укутанная веселым паром, который разгонял вентилятор под потолком ванной.

## XV

Коридор был узкий. Лопес и Рауль прошли его, не представляя, куда он ведет, пока не наткнулись на наглухо задраенную дверь. Они с удивлением принялись рассматривать стальные пластины, окрашенные в серый цвет, и автоматический запор.

– Любопытно, – сказал Рауль. – Я бы мог поклясться, что совсем недавно мы проходили тут с Паулой.

– Ну и запоры, – сказал Лопес – Запасной выход на случай пожара или что-то в этом роде. На каком языке говорят на пароходе?

Матрос, стоявший на вахте у двери, рассматривал их с таким видом, словно ничего не понимал или не желал понимать. Они жестами показали ему, что хотят пройти дальше. А он дал им понять, что они должны вернуться. Они повиновались, снова прошли мимо каюты Рауля, и коридор привел их к трапу, спускавшемуся на носовую палубу. В темноте слышались голоса и смех; Буэнос-Айрес виднелся вдалеке, словно в зареве пожара. Шаг за шагом, обходя скамейки, бухты канатов и кабестаны, загромаждавшие палубу, они добрались до борта.

– Интересно смотреть на город с реки, – сказал Рауль. – Видишь его целиком во всей красе. А то живешь внутри и забываешь, как он выглядит на самом деле.

– Да, выглядит-то иначе, а вот жара все та же, – ответил Лопес – И илом пахнет даже на закрытой палубе.

– Река всегда внушала мне какой-то страх, наверное, из-за илистого дна, в мутной воде всегда словно что-то скрывается. А может, из-за историй об утопленниках, которые так пугали меня в детстве. И все же в реке приятно искупаться, половить рыбу.

– Какой маленький пароход, – сказал Лопес, различая па-конец его очертания. – Странно, что эта железная дверь закрыта. Похоже, здесь тоже не пройдешь.

Они увидели высокую переборку, перегораживавшую мостик из конца в конец. За трапами, ведущими к коридорам, где помещались каюты, были две двери, однако Лопес, почему-то начавший беспокоиться, обнаружил, что обе они заперты на ключ. Наверху, на капитанском мостике, сквозь широкие иллюминаторы просачивался фиолетовый свет. Едва можно было различить силуэт офицера, стоявшего неподвижно. Еще выше лениво поворачивался полукруг радара.

Раулю вдруг захотелось спуститься в каюту и поболтать с Паулой. Лопес курил, не вынимая рук из карманов. Проплыла тень, сопровождаемая могучим силуэтом: это дон Гало Порриньо обследовал палубу. Послышался нарочитый кашель, словно кто-то хотел вступить в разговор, и Фелипе Трехо присоединился к ним, занятый сигаретой, которую раскуривал.

– Привет, – сказал он. – У вас хорошие каюты?

– Неплохие, – сказал Лопес. – А у вас с родителями? Фелипе покорило, когда он услышал, что его воспринимают лишь как члена семейства Трехо.

– Я в одной каюте со стариком, а мамаша с сестрой в соседней. Имеется ванная и все прочее. Посмотрите, вон там виднеются огни, должно быть это Беррисо или Кильмес. А может, Ла-Плата.

– Вам нравится путешествовать? – спросил Рауль, выбивая трубку. – Или это ваше первое великое приключение?

Фелипе снова покорило это неизменно шаблонное отношение к нему со стороны взрослых. Он готов был промолчать или ответить, что путешествовал множество раз, но Лопес, разумеется, прекрасно осведомлен о биографии своего ученика. Поэтому он небрежно ответил, что каждому приятно прокатиться на пароходе.

– Да, это, конечно, лучше, чем торчать в колледже, – дружески заметил Лопес. – Существует даже представление, что путешествия развивают молодежь. Посмотрим, так ли это на самом деле.

Фелипе, все более смущаясь, рассмеялся. Он был уверен, что с Раулем или любым другим пассажиром ему удалось бы поболтать в свое удовольствие. Однако его сковывало присутствие на пароходе отца, сестры и двух учителей, особенно этого Черного Кота, который наверняка постарается испортить ему жизнь. И он размышлял о том, как тайно сходит на берег и один, совершенно один идет, куда захочет. «Вот именно, – думал он, – главное, чтоб я был совсем один, это дело». И все же он не пожалел, что подошел к этим двум пассажирам. Вид озаренного огнями Буэнос-Айреса там, вдалеке, и тяготил, и возбуждал его. Фелипе хотелось петь, карабкаться на мачту, бегать по палубе, хотелось, чтобы уже наступило завтра, чтобы уже была остановка, чтобы повстречались необыкновенные люди, красивые женщины, хотелось поплескаться в плавательном бассейне. Ему было и страшно, и радостно, и как всегда к девяти вечера начинало клонить ко сну, что он обычно с трудом скрывал, сидя в кафе или гуляя по площади.

Раздался Норин смех, она спускалась по трапу вместе с Лусио. Огоньки сигарет поплыли прямо к стоявшим. У Норы и Лусио тоже была изумительная каюта, и Норе тоже хотелось спать (только бы это не от качки), но она предпочитала, чтобы Лусио не распространялся столько об их общей каюте. Она даже подумала, что им могли бы дать две отдельные каюты, ведь они пока всего лишь жених и невеста. «Но мы скоро поженимся», – поспешно подумала она. Никто не знал, что произошло между ними в отеле «Бельграно» (за исключением Хуаниты Эйзен, ее закадычной подруги), и вдобавок еще эта ночь... Вероятно, они могли бы выдать себя за молодоженов, но существуют списки пассажиров, начнутся сплетни... Как восхитителен Буэнос-Айрес при вечернем освещении, огни Каванага и Комеги <sup>30</sup>... Ей припомнились фотографии из календаря «Пан Америкэн», который висел у нее в спальне, правда, там была панорама Рио, а не Буэнос-Айреса.

Рауль различал лицо Фелипе всякий раз, когда кто-нибудь затягивался сигаретой. Они стояли в стороне от остальных, Фелипе предпочитал беседовать с незнакомцем, особенно с таким молодым, как Рауль, которому на вид не дашь и двадцати пяти. Фелипе вдруг понравилась и трубка Рауля, и его спортивного покроя пиджак, и весь его немного шеголеватый вид. «Вообще-то он не стилига, – подумал Фелипе. – А вот монеты у него есть. Когда у меня будет столько, сколько у него...»

– По запаху мы уже на середине реки, – сказал Рауль. – Пахнет довольно противно, зато весьма многообещающе. Теперь понемногу начнем чувствовать разницу между городской жизнью и жизнью в открытом море. Это как общая дезинфекция.

– Правда? – удивился Фелипе, не понявший, при чем тут дезинфекция.

– Пока снова не приесться. Но для вас все будет иначе, это ваше первое путешествие, и все покажется вам столь... Впрочем, вы сами подберете нужное определение.

– О да, – сказал Фелипе. – Конечно, все будет необыкновенно. Целыми днями можно лодырничать...

– Ну, это зависит от вас, – сказал Рауль. – Вы любите читать?

– Конечно, – сказал Фелипе, изредка заглядывавший в выпуски серии «Растрос». – А как вы думаете, здесь есть бассейн?

– Не знаю. На грузовом судне вряд ли. Придумают что-нибудь вроде большого деревянного корыта с тентами, как в третьем классе па больших пароходах.

– Да что вы, – сказал Фелипе. – С тентами? Вот здорово.

Рауль снова раскурил трубку. «Опять, – подумал он. – Опять несносная пытка, опять красивая статуя, из которой раздается глупое бормотание. И все это приходится выслушивать,

---

<sup>30</sup> Высотные здания в Буэнос-Айресе с яркими световыми рекламными.



прощая, точно дурак, пока не убедишься, что не так уж он ужасен, что все юноши таковы, что нельзя требовать чудес... Иначе надо стать анти-Пигмалионом, окаменителем. А что же потом, потом? Иллюзии, как всегда. Вера, что вдохновенные слова, книги, которые вручаются с таким жаром, с отчеркнутыми абзацами и разъяснениями...»

Он подумал о Бето Ласьерве, о заносчивой усмешке, появившейся у него в последнее время, нелепых встречах в парке Лесама, разговорах на скамейке, неожиданном финале, о Бето, беспокоящемся о чужих деньгах, как своих собственных, о словах, наивно порочных и вульгарных.

– Вы видели старикана в каталке? – спросил Фелипе. – Вот картина. Какая у вас красивая трубка.

– Да неплохая, – сказал Рауль. – Курится хорошо.

– Наверно, я тоже куплю себе трубку, – сказал Фелипе и покраснел. Этого, конечно, не следовало говорить, опять собеседник примет его за мальчишку.

– В портowych городах вы сможете найти все, что пожелаете, – сказал Рауль. – А впрочем, если хотите, я могу дать вам одну из моих трубок. У меня всегда есть две-три трубки про запас.

– Правда?

– Конечно, курильщики любят порой менять трубки. Здесь, на пароходе, вероятно, должны продавать хороший табак, но, если хотите, я могу предложить вам свой.

– Спасибо, – сказал Фелипе порывисто. Его переполняло счастье, хотелось сказать Раулю, как ему приятно беседовать с ним. Они могли бы поболтать и о женщинах – ведь он выглядит совсем взрослым, многие давали ему девятнадцать и даже двадцать лет. Без особого удовольствия он вспомнил о Негрите, – должно быть, она уже в постели и, наверное, хнычет, как дурочка, оставшись под командой тетушки Сусаны, властной и злой как черт. Было странно думать о Негрите, когда он разговаривал с таким пижоном. Вот кто посмеялся бы над ним. «Ох, и баб у него, наверное!» – подумал Фелипе.

Рауль попрощался с Лопесом, который отправился спать, пожелал спокойной ночи Фелипе и медленно поднялся по трапу. Нора и Лусио шли следом за ним; кресла донна Гало нигде не было видно. Как только ухитрился шофер притащить донна Гало на мостик? В коридоре он встретил Медрано, который спускался по внутреннему трапу, покрытому красной дорожкой.

– Вы уже разыскали бар? – спросил Медрано. – Он здесь, наверху, рядом со столовой. К сожалению, в одном зальчике я обнаружил фортепьяно. Правда, всегда есть надежда оборвать ему струны.

– Или так расстроить, что любая музыка будет звучать, как произведения Кренека.

– Ого-го! – сказал Медрано. – Вы бы вызвали гнев моего друга Хуана Карлоса Паса.

– Мы быстро бы помирились, – сказал Рауль. – С помощью моей скромной коллекции пластинок додекафонической музыки.

Медрано с любопытством посмотрел на него.

– Ладно, – сказал он, – видимо, все будет лучше, чем я предполагал. Нельзя начинать пароходное знакомство с таких разговоров.

– Я тоже так считаю. До сих пор я беседовал в основном на метеорологические темы с небольшими отступлениями об искусстве курить. Ну что ж, пойду познакомлюсь с этими залами наверху, – возможно, найду там чашечку кофе.

– Найдете, и превосходного. До свидания, до завтра.

– До завтра, – сказал Рауль.

Медрано разыскал свою каюту в коридоре левого борта. Чемоданы лежали неразобранные, но, скинув пиджак и закулив, он стал бесцельно слоняться по каюте. Может быть, это как раз и называется счастьем. На маленьком письменном столе лежал конверт на его имя. В

конверте он нашел открытку с приятными пожеланиями от «Маджента стар», расписание завтраков, обедов и ужинов, распорядок дня на борту и список пассажиров с указанием занимаемых ими кают. Так, он узнал, что рядом с ним поселились Лопес, семейство Трехо, дон Гало и Клаудиа Фрейре с сынишкой Хорхе; у всех были нечетные номера кают. В конверте также лежал листок, в котором на французском и английском языках доводилось до сведения господ пассажиров, что по техническим причинам будут закрыты двери, ведущие в помещения на корме, и высказывалась просьба не нарушать правил, установленных судовой администрацией.

– Черт возьми, – пробормотал Медрано. – Даже не верится.

А почему бы и нет? Был же «Лондон», инспектор, дон Гало, черный автобус и почти тайная посадка. Так почему не поверить в то, что среди дюжины выигравших в лотерею оказалось два преподавателя и учащийся из одного колледжа. Но еще более удивительным казалось то, что в коридоре парохода можно было запросто говорить о музыке Кренека.

– Тут не соскучишься, – сказал Медрано.

«Малькольм» несколько раз мягко качнуло. Медрано без всякой охоты принялся разбирать свой багаж. С симпатией подумал о Рауле Косте, вспомнил остальных. Если как следует приглядеться, компания подобралась неплохая, а весьма явные различия позволяют с самого начала определить две дружеские группировки: в одной, несомненно, будет блистать рыжеволосый поклонник танго, вторую же возглавят поклонники Кренека. А в стороне, ни к кому не примыкая, но вникая во все, будет раскатывать на четырех колесах дон Гало, своего рода саркастический, ехидный наблюдатель. Нетрудно предугадать, что на время путешествия между доном Гало и доктором Рестелли могут возникнуть вполне приемлемые отношения. Юноша с черной челкой будет метаться между молодежью, столь удачно представленной Атилио Пресутти и Лусио, и более солидными мужчинами. Робкая юная пара будет непрерывно принимать солнечные ванны, фотографироваться и допоздна задерживаться на палубе, чтобы считать звезды. В баре будут вестись разговоры об искусстве и литературе, и, возможно, путешествие не обойдется без любовных интрижек, охлаждений и мимолетных знакомств, которые обычно кончаются в таможне обменом визитными карточками и дружеским похлопыванием по плечу.

В этот час Беттина, должно быть, уже узнала, что он покинул Буэнос-Айрес. Прощальная записка, которую он оставил у телефона, без околичностей сообщала о разрыве их любовного союза, начавшегося еще в Хунине и затем продолжавшегося в столице с вылазками в горы и на побережье Мар-дель-Плата. В эту минуту Беттина, вероятно, говорила: «Я рада», и действительно она обрадуется, прежде чем расплакаться. Завтра утром – уже будет второе, совсем другое утро – она позвонит Марии-Элене, чтобы рассказать об отъезде Габриэля; а вечером будет пить чай в «Агила» с Чолой или Денизой, и ее рассказ, освободившись от упреков, гневных вспышек и фантастических предположений, приобретет наконец свой окончательный, строгий вид, Габриэль уже не будет выглядеть закоренелым негодяем, ибо в душе Беттина желала, чтобы он уехал надолго или даже навсегда. Однажды она получит его письмо из-за моря и, возможно, ответит по указанному адресу. «Да, а куда мы едем?» – подумал он, развешивая пиджаки и брюки. Пока им даже не позволяют пройти на корму. Не слишком приятно торчать на пятачке, пусть даже непродолжительное время. Он припомнил свое первое путешествие, когда ехал в третьем классе и матросы неусыпно дежурили в коридорах, охраняя священный покой пассажиров первого и второго классов, тогда эта имущественная иерархия развлекала и раздражала его. Затем ему самому довелось путешествовать в первом классе и познать еще более неприятные вещи... «Но с этими запертыми дверями, пожалуй, ничто не сравнится», – подумал он, складывая горкой пустые чемоданы. Ему пришло в голову, что для Беттины его отъезд поначалу покажется тоже своего рода запертой дверью, и она бросится царапать ногтями эту бесплотную преграду («местонахождение неизвестно», «нет, писем нет», «уже неделю, полмесяца, месяц»...). Он снова закурил, раздосадованный, «Дался мне этот пароходик, – подумал он. – Не для того же я на нем поехал». И для начала решил принять душ.

## XVI

– Посмотри, – сказала Нора. – С этим крючком можно оставлять дверь приоткрытой.

Лусио испробовал действие замка и оценил его по достоинству. В другом конце каюты Нора доставала из своего синтетического красного чемодана несессер. Прислонясь к двери, он наблюдал, как она разбирает вещи, сосредоточенно и аккуратно.

– Ты себя хорошо чувствуешь?

– О да, – ответила Нора, словно застигнутая врасплох. – А почему ты не открываешь свои чемоданы и не разбираешь вещи? Я выбрала себе вот этот шкаф.

Лусио неохотно открыл чемодан. «Я выбрала себе вот этот шкаф», – повторил он мысленно. Отдельно, всегда отдельно, все только для себя, словно она одна на свете. Он смотрел на Нору, на ее ловкие руки, укладывавшие блузки и чулки на полочках шкафа. Нора вошла в ванную, разложила по местам флаконы и щетки, попробовала, как работают выключатели.

– Тебе нравится каюта? – спросил Лусио.

– Просто прелесть, – сказала Нора. – Намного красивей, чем я думала, но я представляла ее себе, как бы тебе сказать, более роскошной, что ли.

– Может, как те, какие показывают в кино.

– Да, но эта оказалась...

– Уютней, – сказал Лусио, приближаясь.

– Да, – подтвердила Нора, не двигаясь с места и глядя на него широко открытыми глазами. Она уже знала эту манеру Лусио смотреть на нее; губы у него начинали чуть вздрагивать, словно он что-то бормотал. Нора почувствовала его горячую руку у себя на спине, но прежде, чем он обнял ее, она выскользнула из его объятий.

– Ну что ты, – сказала она. – Не видишь, сколько еще работы? И потом эта дверь...

Лусио опустил глаза.

Он положил на место зубную щетку, погасил свет в ванной. Пароход чуть покачивался, шумы на борту становились привычными. Каюта сдержанно поскрипывала; дотронувшись рукой до мебели, можно было ощутить легкое подрагивание, словно от слабого электрического тока. В приоткрытую дверь проникал влажный ветерок с реки.

Лусио отправился в ванную, чтобы Нора могла улечься раньше его. Они разбирали вещи более получаса; потом Нора заперлась в ванной и появилась в халатике, под которым виднелась розовая ночная рубашка. Но вместо того чтобы лечь, она открыла несессер с явным намерением привести в порядок ногти. Тогда Лусио сбросил рубашку, башмаки и носки и, прихватив пижаму, в свою очередь забрался в ванную. Вода была отличной, к тому же Нора оставила после себя благоухание одеколона и мыла «Пальмолив».

Когда он вернулся, в каюте стоял полумрак, горели лишь ночники в изголовье постелей. Нора читала «Эль Огар». Лусио выключил свет над изголовьем и сел рядом с Норой, которая закрыла журнал и с притворной рассеянностью опустила рукава ночной рубашки до запястий.

– Тебе тут нравится? – спросил Лусио.

– Да, – сказала Нора. – Здесь так необычно.

Он ласково отнял у нее журнал и, обхватив ее лицо ладонями, поцеловал в нос, волосы, губы. Нора закрывала глаза, натянуто и как-то отчужденно улыбаясь, напоминая Лусио ночь, проведенную в отеле Бельграно, и его бесполезные, изнуряющие домогательства. Он жадно к настойчиво поцеловал ее в губы, причинив боль и не выпуская из рук ее голову, которую она все больше запрокидывала назад. Выпрямившись, он сдернул с нее простыню; руки его теперь скользили по розовому нейлону ночной рубашки, отыскивая оголенное тело. «Нет, нет, – слышал он ее задыхающийся голос; ноги ее уже были обнажены до бедер, – нет, нет, не так», –

умолял ее голос. Рухнув на нее, он сжал ее в своих объятиях и жарко поцеловал в полуоткрытый рот. Нора смотрела вверх, туда, где горела над изголовьем лампочка, но нет, теперь он ее не погасит, в прошлый раз все началось точно так же, зато потом, в темноте, она сопротивлялась успешней и вдруг разразилась плачем, несносным хныканьем, словно он сделал ей больно. Он резко повернулся на бок, дернул за рубашку и наклонился над ее крепко сжатыми бедрами и животом, который Пора старалась защитить от его ненасытных губ. «Ну, пожалуйста, – бормотал Лусио, – пожалуйста, пожалуйста». А сам, заставив ее приподняться, продолжал стаскивать рубашку, комкая холодный розовый нейлон у горла, и наконец, сорвав, отбросил рубашку в темноту подальше от кровати. Нора свернулась калачиком, согнув колени, повернувшись к нему почти боком. Лусио порывисто привстал и снова крепко обнял ее за талию и впился долгим поцелуем в шею, руки его гладили и ласкали ее тело, словно он только теперь впервые раздевал ее. Нора выпростала руку и, изловчившись, погасила свет. «Подожди, подожди, пожалуйста, ну хоть минутку. Нет, нет, только не так, подожди хотя бы капельку». Но он и не думал ждать, она чувствовала это всем своим телом, которое все сильнее и жарче обнимали его руки, и к этим ласкам прибавлялось что-то еще, обжигающее и твердое, на что той ночью в отеле Бельграно она старалась не смотреть, но о чем уже знала из описаний Хуаниты Эйзен (но разве такое опишешь), которые повергли ее в ужас, – что могло причинить ей боль и заставить закричать, беззащитную в руках мужчины, словно на кресте распятую под его губами, руками и ногами, что несет с собой кровь и боль, о чем со страхом и трепетом шепчут в исповедальнях, читают в житиях святых, страшное, как облущенный початок маиса, бедный Темиль Дрейк (да, да, Хуанита Эйзен так и сказала), страшное, как початок маиса, грубо проникающий туда, где возможно разве лишь нежное прикосновение. И вот этот жар в спине, этот жадный порыв, когда Лусио прерывисто дышит над самым ее ухом и сдавливая ее все крепче и крепче, стараясь насильно раздвинуть ноги, и вдруг, словно расплавленное пламя между бедрами, конвульсивный стон и внезапное облегчение, ибо и на сей раз у него ничего не случилось; она чувствует, как он, поверженный, привалился к ее спине, часто и жарко дышит ей в затылок, бормоча слова – смесь упрека и нежности, печальную и грязную словесную чепуху.

Лусио зажег свет. Наступило долгое молчание.

– Повернись, – сказал он. – Повернись, пожалуйста.

– Хорошо, – сказала Нора. – Давай закроемся.

Лусио привстал, поискал простыню и накинул ее на себя и Нору. Нора рывком повернулась и прижалась к нему.

– Скажи, почему ты, – настаивал Лусио, – почему ты снова...

– Мне опять стало страшно, – сказала Нора, закрывая глаза.

– Чего? Неужели ты думаешь, я могу причинить тебе боль? Ты считаешь меня грубым?

– Нет, не в этом дело.

Лусио, глядя в лицо Нору, потихоньку стягивал простыню. Он подождал, пока она откроет глаза, чтобы сказать: «Посмотри, посмотри на меня сейчас». Она посмотрела на его грудь, на плечи, но Лусио понимал, что она видит и ниже; он вдруг привстал и поцеловал ее, впившись в губы, так, чтобы она не смогла увернуться. Он чувствовал, как сжались ее губы, как она слабо попыталась избежать поцелуя; на миг Лусио дал ей передохнуть и снова принялся целовать; провел языком по ее деснам и, почувствовав, как она постепенно уступает, впился в нее долгим поцелуем и привлек ее к себе. Руки его гладили, ласкали ее тело. Он услышал, как она застонала, а потом уже ничего не слышал или, вернее, услышал свой собственный вскрик; ее жалобные стенания затихли в этом крике, руки перестали отталкивать и отстранять его, страсть постепенно утихла, покой и сон медленно нисходили на них, кто-то из них погасил свет, уста их снова слились, и Лусио ощутил соленую влагу на Нориних щеках; он губами осушал эти слезы, а руки его ласкали ее волосы, и он чувствовал, как дыхание ее постепенно становится все спокойней, все тише всхлипывания, пока сон не овладел ею. Желая

лечь поудобнее, он чуть отстранился от нее и посмотрел в темноту, туда, где едва выделялся иллюминатор. На этот раз наконец-то... Ему не хотелось думать, такой неизбывный покой не нуждался в мыслях. Да, на этот раз она расплатилась за все предыдущее. На пересохших губах еще оставался вкус Нориных слез. Да, расплатилась звонкой монетой. Слова рождались одно за другим, отвергая нежность рук и соленый привкус слез. «Плачь, плачь, красотка», – одно, другое, самые нужные слова; и мысль снова работает: «Плачь, плачь, красотка, пора и тебе узнать это. Я не из тех, кто ждет всю ночь напролет». Нора встрепелась, шевельнула рукой, Лусио погладил ее волосы и поцеловал в нос. Слова лились сами собой, свободно и безудержно, беря реванш, и вот уже звучало почти презрительное: «Плачь, плачь, глупышка», а руки тоже сами собой, не сообразуясь со словами, как бы в забытии, ласкали и ласкали Норины волосы.

## XVII

Клаудиа знала, что Хорхе не заснет, если она не сочинит для него какую-нибудь удивительную сказку или не расскажет какую-либо новость. Больше всего ему нравилось слушать про то, как сороконожка забралась в ванну или что Робинзон Крузо существовал на самом деле. Не в силах ничего придумать, она дала сыну медицинскую брошюру, которую нашла в одном из своих чемоданов.

– Она написана на чудодейском языке, – сказала Клаудиа. – Может, это известия с далекой планеты?

Хорхе устроился на постели и с особым прилежанием стал читать брошюру, которая крайне поразила его.

– Ты только послушай, мама, что тут написано: «Препарат „Роче“ – это пирофосфорный эфир анейрина, фермент, участвующий в фосфорилировании глицидов и подавляющий в организме декарбосирование пировиноградной кислоты, обычный метаболический распад глицидов, липидов и протеидов».

– Невероятно, – сказала Клаудиа. – Тебе достаточно одной подушки или дать вторую?

– Достаточно. Мама, что такое метаболический? Надо спросить у Перено. Наверняка это связано с планетой. По-моему, липиды и протеиды – враги муравьечеловеков.

– Весьма возможно, – сказала Клаудиа, гася свет.

– Чао, мама. Мам, а какой красивый пароход!

– Конечно, красивый. Спи, сынок.

Их каюта была последняя в коридоре по левому борту. Клаудии понравилось, что номер каюты – тринадцать и что напротив находится трап, ведущий в бар и столовую. В баре она встретила Медрано, который налегал на коньяк после неудачной попытки привести в порядок свои вещи, вынутые из чемоданов. Бармен приветствовал Клаудию на чересчур правильном испанском языке и предложил ей меню с тисненой эмблемой «Маджента стар».

– Сандвичи хорошие, – сказал Медрано. – За неимением ужина...

– Метрдотель приглашает вас выбрать все, что пожелаете, по своему вкусу, – объявил бармен, повторив дословно то, что сказал раньше Медрано. – К сожалению, вы сели на пароход слишком поздно, и мы не смогли приготовить вам ужин.

– Любопытно, – сказала Клаудиа. – Зато успели приготовить каюты и очень удобно разместить всех.

Бармен слегка поклонился и стал ждать приказаний. Они заказали пиво, коньяк и сандвичи.

– Да, все любопытно, – сказал Медрано. – Например, шумная компания, которую, по-видимому, возглавляет рыжий парень, похоже, тут не появлялась. Вообще такого сорта люди обладают куда большим аппетитом, чем мы, флегматики, простите, что я причисляю вас к этой категории.

– Их, наверное, укачало, бедняг, – сказала Клаудиа.

– Ваш сын уже спит?

– Да, после того, как съел полкило печени «Террабуси». Я решила, что лучше уложить его сразу же.

– Мне нравится ваш сын, – сказал Медрано. – Красивый малец и очень чувствительный.

– Порой слишком чувствительный, но его выручает юмор и заметная склонность к футболу и механике. А скажите, вы всерьез думаете, что все это?...

Медрано посмотрел на нее.

– Расскажите лучше о вашем сыне, – сказал он. – Что я вам могу ответить? Вот узнал, что нельзя проходить на корму. Нас не накормили ужином, зато каюты просто чудесные.

– Да, лучше и требовать нельзя, – сказала Клаудиа.

Медрано предложил ей сигарету, и она почувствовала, что ей нравится этот человек с худым лицом и серыми глазами, одетый с нарочитой небрежностью, которая так ему шла. Кресла были удобные, под бормотание машин не хотелось ни о чем думать, а лишь предаваться безмятежному отдыху. Медрано был прав: к чему спрашивать? Если бы сейчас все вдруг внезапно кончилось, она бы очень сожалела о том, что не использовала эти бездумные счастливые часы. Опять улица Хуана Баутисты Альберди <sup>31</sup>, занятия сына, зачитанные романы в рычащих автобусах, жизнь без будущего в этом Буэнос-Айресе, сырая надоедливая погода, новости на радио.

Медрано с улыбкой вспоминал забавные эпизоды в «Лондоне». Клаудиа хотела бы узнать о нем побольше, но ей сразу показалось, что он не очень откровенный человек. Бармен принес еще коньяку; вдалеке послышался вой сирены.

– Страх порождает весьма странные вещи, – сказал Медрано. – В эту минуту кое-кто из пассажиров должен почувствовать беспокойство. Мы еще позабавимся, вот увидите.

– Можете надо мной смеяться, – сказала Клаудиа, – но всего минуту назад я не чувствовала себя такой довольной и спокойной, как сейчас. Мне больше нравится путешествовать на «Малькольме» или как он там называется, чем на «Аугустусе».

– Немного романтичная новизна, – сказал Медрано, украдкой глядя на нее.

– Просто новизна, а этого вполне достаточно для мира, где люди, точно дети, почти всегда предпочитают повторение. Вы читали последний проспект аргентинских аэролиний?

– Возможно, не помню.

– Зазывают на свои самолеты, обещая, что мы будем чувствовать себя как дома или что-то в этом роде. Но я не представляю ничего ужасней, чем сесть в самолет и почувствовать, что ты снова у себя дома.

– Ну, наверное, заварят сладкий мате. Подадут жаркое из вырезки и спагетти под воркующие звуки аккордеонов.

– Все это хорошо в Буэнос-Айресе, и когда ты уверен, что в любую минуту можешь заменить это чем-то другим. Тут, по-моему, как нельзя кстати слово «предрасположение». Возможно, это путешествие своего рода тест.

– Тогда, подозреваю, для некоторых он окажется весьма трудным. А что касается проспектов авиакомпаний, то с особенной неприязнью я вспоминаю один, кажется американский. В нем подчеркивалось, что пассажиров будут обслуживать как-то по-особому. «Вы почувствуете себя важной персоной» или что-то в этом роде. И мне сразу приходят на ум некоторые мои коллеги, которые бледнеют от одной мысли, что их назовут «сеньором», а не «доктором»... Да, на той авиалинии, должно быть, летают богатые пассажиры.

– Теория важной персоны. Она уже где-нибудь изложена? – спросила Клаудиа.

– Боюсь, тут замешаны чьи-то корыстные интересы. Но вы собирались объяснить, почему вам нравится это путешествие.

– Ну что ж, в конце концов мы все, или почти все, станем добрыми друзьями, и нет смысла скрывать свое *cuniculum vitae* <sup>32</sup>, – сказала Клаудиа. – Говоря по правде, я настоящая неудачница, но не желаю мириться со своей участью.

– Ну, насчет неудачницы я очень сомневаюсь.

– О, возможно, поэтому я и совершаю такие вещи: покупаю лотерейные билеты и выигрываю на них. Только ради Хорхе и стоит жить. Ради него и, пожалуй, еще ради любимой музыки, некоторых книг... Все остальное похоронено и былшем поросло.

Медрано внимательно разглядывал свою сигарету.

<sup>31</sup> Хуан Баутиста Альберди – аргентинский писатель, политический деятель, юрист.

<sup>32</sup> Жизнеописание, биография (*лат.*).

– Я не слишком разбираюсь в супружеской жизни, – заметил он, – но, по-моему, вы не были счастливы.

– Я развелась два года назад, – сказала Клаудиа. – По многим, но не очень существенным причинам. Не было ни адюльтера, ни патологической жестокости, ни алкоголизма. Моего бывшего мужа зовут Леон Левбаум, имя это вам кое-что скажет.

– Кажется, онколог или невропатолог.

– Невропатолог. Я развелась с ним прежде, чем стать одной из его пациенток. Он необыкновенный человек, теперь я могу утверждать это с уверенностью, ведь мои воспоминания о нем стали как бы посмертными. Я имею в виду себя, вернее, то небольшое, что от меня осталось.

– И все же вы развелись с ним.

– Да, развелась, вероятно, чтобы сохранить то, что еще осталось от моей индивидуальности. Знаете, однажды я обнаружила, что мне хочется уйти из дому, когда он приходит, читать Элиота, когда он собирается на концерт, или играть с Хорхе, вместо того...

– А-а, – сказал Медрано, глядя на нее. – И вы остались с Хорхе.

– Да, все уладилось превосходно. Леон навещает нас по определенным дням, и Хорхе его любит по-своему. Я живу, как мне хочется, и вот я здесь.

– Но. вы говорили о неудаче.

– Неудача? Неудачей было мое замужество, и разводом тут ничего не исправишь, даже имея такого сына, как Хорхе. Все началось гораздо раньше, с моего абсурдного появления на свет.

– А почему? Если вам не надоели мои вопросы.

– О, вопрос этот не нов, я сама не раз его себе задавала, о тех пор как стала сознавать себя. Я располагаю целым набором ответов, пригодных для солнечных дней, для грозowych ночей... Обширная коллекция масок, за которыми, по-моему, зияет черный провал.

– А не выпить ли нам еще коньяка, – сказал Медрано, подзывая бармена. – Любопытно, у меня такое ощущение, будто среди нас никто не связан матримониальными узами. Лопес и я – холостяки, думаю, что Коста тоже, доктор Рестелли – вдовец, есть еще две-три девушки на выданье... А дон Гало? Поди узнай, какое семейное положение у дон Гало. Вас зовут Клаудиа, верно? Меня Габриэль Медрано, и моя биография не представляет никакого интереса. За здоровье ваше и вашего сына!

– За ваше здоровье, Медрано, и поговорим о вас.

– Из интереса или из вежливости? Простите, но иногда люди руководствуются лишь чистейшими условностями. Я вас разочарую, сказав, почему я стал дантистом и почему прожигаю жизнь, не принося пользы, имею немногих друзей, восхищаюсь немногими женщинами и строю карточные домики, которые рушатся каждую минуту. Бух, и все летит на пол. Но я начинаю все сначала, представьте себе, все сначала.

Он взглянул на нее и рассмеялся.

– Мне нравится разговаривать с вами, – сказал он. – Мать Хорхе, маленького львенка.

– Мы оба болтаем несусветную чушь, – сказала Клаудиа и в свою очередь рассмеялась. – Конечно, всюду одни маски.

– О, маски. Человек вечно должен думать о лице, которое прячут, но в действительности берет в расчет лишь маску, данную маску, а не какую-либо иную. Скажи мне, какую маску ты носишь, и я скажу, какое у тебя лицо.

– Последняя называется «Малькольм», – сказала Клаудиа, – и, по-моему, мы носим ее вместе. Послушайте, я хочу, чтобы вы познакомились с Персио. Мы можем послать за ним в его каюту. Персио необыкновенное существо, настоящий маг, порой я даже побаиваюсь его, но он словно агнец, правда, кто знает, сколько символов может скрываться за одним ягненком.

– Это такой низенький и лысый человек, который был с вами в «Лондоне»? Он напомнил мне фотографию Макса Жакоба у меня дома. И как говорится, легок на помине...



– Достаточно будет лимонада, чтобы поднять настроение, – сказал Персио. – И возможно, еще сандвича с сиром.

– Что за чудовищная смесь, – сказала Клаудиа.

Ладонь Персио рыбой скользнула в руке Медрано. Персио был весь в белом, даже штiblеты на нем были белые. «Все куплено в последнюю минуту и где попало», – подумал Медрано, разглядывая его с симпатией.

– Путешествие начинается с туманных знамений, – сказал Персио, нюхая воздух. – Река, скорее, похожа на молочный кисель. Что касается моей каюты, то это настоящее великолепие. К чему описывать его? Все сверкает и полно загадочных приспособлений со всякими кнопками и надписями.

– Вам нравится путешествовать? – спросил Медрано.

– Видите ли, я занимаюсь этим ежедневно.

– Он имеет в виду метро, – сказала Клаудиа.

– Нет-нет, я путешествую в инфракосмосе и в гиперкосмосе, – сказал Персио. – Эти два идиотских слова почти ничего не обозначают, но тем не менее я путешествую. По крайней мере мое астральное тело совершает головокружительные траектории. А тем временем я тружусь у Крафта, моя цель – править гранки. Надеюсь, этот круиз будет мне полезен для наблюдений за звездами, для астральных сентенций. Вы знаете, что думал Парацельс? Что небосвод – это фармакопоя. Великолепно, да? Теперь созвездия будут у меня под рукой. Хорхе утверждает, что звезды лучше видны на море, чем на суше, особенно в Чакарите, где я живу.

– Вы переходите от Парацельса к Хорхе, не делая различий, – рассмеялась Клаудиа.

– Хорхе много знает, он рупор знаний, которые потом забудет. Когда мы играем в чудеса, в великие Загадки, он всегда опережает меня. Только в отличие от меня он часто отвлекается, как обезьянка или тюльпан. Если бы можно было подольше задержать его внимание на том, что он рассматривает... Но подвижность – закон для ребенка, так, кажется, говорил, Фехнер. И проблема, конечно, в Аргусе. Вечный вопрос.

– В Аргусе? – удивилась Клаудиа.

– Да, в многоликом, тысячеглазом, вездесущем. Вот именно, вездесущем! – воодушевленно воскликнул Персио. – Когда я пытаюсь присвоить себе видение Хорхе, разве я тем самым не выдаю самую ужасную ностальгию человечества? Видеть чужими глазами, быть одновременно моими и вашими глазами, Клаудиа, такими прекрасными, и глазами этого сеньора, столь выразительными. Быть глазами всех – вот что убивает время, полностью его уничтожает. Чао. Прочь, изыди!

Он махнул рукой, словно отгоняя муху.

– Вы представляете? Если бы я мог одновременно увидеть то, что видят глаза всего человечества, четырех миллиардов людей, действительность перестала бы быть последовательной, она превратилась бы в застывшее абсолютное видение, в котором мое «я» исчезло бы полностью. Но это исчезновение, какой триумфальный фейерверк! Какой Ответ! Невозможно представить себе с этой минуты пространство и тем более время, которое не что иное, как то же пространство, только в последовательной форме.

– Но если бы вы выжили после такого взгляда, – сказал Медрано, – вы снова почувствовали бы время. Головокружительно приумноженное числом раздробленных видений, но всегда остающееся временем.

– О нет, они не были бы раздробленными, – сказал Персио, поднимая брови. – Идея объять космос полным синтезом возможна лишь, если отталкиваться от столь же полного анализа. Поймите же, человеческая история – это печальное следствие того, что каждый индивид смотрит в одиночку. Время зарождается в глазах, в познаваемом.

Он извлек из кармана какую-то брошюрку и жадно стал изучать ее.

Медрано, закуривая, увидел, как в дверь бара просунулся шофер дона Гало и, оглядевшись, приблизился к бармену.

– Немного фантазии, и можно составить себе некоторое представление об Аргусе, – говорил Персио, листая страницы брошюры. – Я, например, упражняюсь с помощью таких вот вещей. Они ни на что не годятся, ибо являются плодом моей фантазии, зато пробуждают во мне космическое чувство, влекут к подлунной неуклюжести.

На обложке книжечки значилось: *Guia oficial dos caminhos de ferro de Portugal* <sup>33</sup>. Персио помахал справочником, словно флажком.

– Если желаете, я могу проделать одно упражнение, – предложил он. – В другой раз вы можете использовать, например, альбом фотографий, атлас, телефонный справочник, все равно что, лишь бы обрести вездесущность, убежать с того места, где находишься, и па миг... Лучше я объясню на словах. Например, сейчас в Аргентине двадцать два тридцать. Вы знаете, что это не астрономическое время и что у нас с Португалией разница в четыре часа. Но мы не собираемся составлять гороскоп и поэтому просто представим себе, что там, в Португалии, сейчас приблизительно восемнадцать тридцать. Надеюсь, это прекрасное время, час, когда на солнце сверкают все изразцы.

Он решительно раскрыл справочник и стал изучать тридцатую страничку.

– Итак, главная линия на севере страны. Понятно? Вдумайтесь: в эту самую минуту поезд № 125 находится между станциями Меальда и Аджим. Поезд № 324 сейчас тронется со станции Торриш Новас, до отправления как раз остается одна минута, па самом деле много меньше. № 326 подходит к Сонзелас, а на линии Вендас Новас № 2721 только что вышел из Кинта Гранде. Вы видите, да? Вот здесь ветка Лоусао, где поезд № 629 как раз стоит на одноименной станции, готовый тронуться в направлении Прильяо – Касайс... Но прошло уже тридцать секунд, а нам едва удалось представить себе пять-шесть поездов, между тем их намного больше; на восточной линии № 4111 следует из Монте-Редондо в Гиа, № 4373 задержался в Лейриа, № 4121 вот-вот прибудет в Паул. А западная линия? № 4026 выбыл из Мартингансы и проходит без остановки Патайас, № 4028 стоит в Коимбре, но секунды летят, и вот уже на линии Фигейры № 4735 только что прибыл в Верриде, № 1429 отходит от перрона Пампильосы, он уже дал гудок, трогается... а № 1432 подходит к станции Касал... Мне продолжать? Продолжать?

– Не надо, Персио, – растроганно сказала Клаудиа. – Выпейте свой лимонад.

– Но вы, надеюсь, схватили суть? Мое упражнение...

– О да, – сказал Медрано. – Я словно на миг почувствовал, как с неизмеримой высоты можно увидеть почти одновременно все поезда Португалии! Разве не в этом состоит ваше упражнение?

– Необходимо вообразить, что вы видите, – сказал Персио, закрывая глаза. – Стереть все слова, только видеть, как на этом малюсеньком, незначительнейшем клочке земного шара нескончаемые вереницы поездов движутся точно по расписанию. А затем мало-помалу вообразить себе поезда Испании, Италии, все поезда, которые в этот момент, в восемнадцать часов тридцать две минуты, находятся в каком-то определенном месте, прибывают на место или отправляются из определенного места.

– У меня голова начинает кружиться, – сказала Клаудиа. – О нет, Персио, только не сейчас, когда такая прекрасная ночь и такой превосходный коньяк.

– Хорошо, оставим это упражнение, оно служит иным целям, – согласился Персио. – И в первую очередь магическим. Вы когда-нибудь размышляли над рисунками? Если на этой карте Португалии мы отметим и соединим линией все пункты, где в восемнадцать тридцать находится хотя бы один поезд, будет очень интересно посмотреть, какой получится рисунок. Через

---

<sup>33</sup> Официальный справочник железных дорог Португалии (португ.).

каждые четверть часа рисунок надо менять, чтобы оценить путем сравнений и сопоставлений, будет ли он улучшаться или ухудшаться. В свободные минуты у Крафта мне удавалось достичь любопытных результатов, я недалек от мысли, что в один прекрасный день увижу рождение рисунка, который в точности совпадет с каким-нибудь прославленным произведением, гитарой Пикассо, например, или зеленщицей Петорутти. Если это случится, я получу некую цифру, модуль. И таким образом, смогу начать постижение вселенной с ее подлинной аналогичной основы, я разрушу время-пространство, это отягченное ошибками измышление.

– Значит, мир волшебен? – спросил Медрано.

– Сами видите, даже волшебство заражено западными предрассудками, – огорченно сказал Персио. – Прежде чем приступить к определению космической реальности, необходимо уйти на пенсию, чтобы получить время для изучения звездной фармакопеи и возможность пальпировать тончайшую материю. Разве, когда работаешь целый день, успеешь?

– Дай бог, чтобы путешествие помогло его изысканиям, – сказала Клаудиа вставая. – Меня охватывает чудесная усталость туриста. Итак, до завтра.

Через несколько минут Медрано в приподнятом настроении вернулся в свою каюту и нашел в себе силы разобрать чемоданы. «Коимбра» – думал он, выкуривая последнюю сигарету. «Невропатолог Левбаум». Все так легко мешалось в голове; кто знает, быть может, удастся также извлечь какой-нибудь значимый рисунок из этих встреч и этих воспоминаний, в которых вдруг появилась Беттина, смотревшая на него полуудивленно, полуобиженно, словно то, что он зажигал свет в ванной, было непростительным оскорблением. «Ах, оставь ты меня в покое», – подумал Медрано, открывая душ.

## XVIII

Рауль зажег свет в изголовье постели и потушил спичку, с помощью которой отыскал выключатель. Паула спала, повернувшись к нему лицом. В слабом свете ночника ее рыжеватые волосы казались пятном крови на подушке.

«Какая она красивая, – подумал он, медленно раздеваясь. – Как разглаживается ее лицо, исчезают эти печальные морщинки у насупленного переносья, которые остаются, даже когда она смеется. А рот ее теперь похож на уста ангела Боттичелли, такие юные, такие непорочные...». Он насмешливо улыбнулся. «*Thou still unravish'd bride of quietness*»<sup>34</sup> *Ravish'd*, и *archirayish'd*<sup>35</sup>, бедняжка». Бедняжка Паула, слишком быстро наказанная за свою несуразную строптивость в этом Буэнос-Айресе, где она могла найти лишь таких типов, как Блондинчик, ее первый любовник (если только он был первым; да, конечно, первый – Паула не станет ему лгать), или как Лучо Нейра, ее последний, не считая всех Иксов и Игреков, парней с пляжа, и приключений в конце недели или на задних сиденьях какого-нибудь «меркури» или «де Сото». Надев голубую пижаму, он босиком подошел к пей; вид спящей Паулы немного волновал его, хотя он не впервые видел ее в постели, по теперь Паула и он вступили в некий интимный и почти тайный союз, который, быть может, продлится недели или даже месяцы, и поэтому доверчиво спящая рядом с ним Паула немного его умиляла. В последние месяцы было просто невыносимо терпеть ее постоянные горести, телефонные звонки в три часа ночи, страсть к пилюлям и бесцельным блужданиям, навязчивые мысли о самоубийстве, непрестанные угрозы («приходи немедленно, не то я выброшусь из окна»), ее вспышки радости по поводу удачного стихотворения и безутешные рыдания, от которых страдали его галстуки и пиджаки. Ночью она вдруг врывается к нему, вызывая его на грубость и оскорбления, ибо он уже устал упрашивать, чтобы она предупреждала по телефону о своих визитах, все осматривала и спрашивала: «Ты один?» – словно боялась, что кто-то прячется под софой или под кроватью, а затем следовал внезапный смех или плач, бесконечные излияния, вперемежку с виски и сигаретами. И еще успевала делать замечания, раздражавшие его своей справедливостью: «И кому пришло в голову повесить здесь эту гадость?», «Разве ты не замечаешь, что эта ваза па полочке лишняя?» – или вдруг начинала проповедовать мораль, свой абсурдный катехизис, говорить о ненависти к друзьям, о своем вмешательстве в историю с Бето Ласьервой, которое, возможно, объясняет грубый разрыв и его бегство. И все же Паула была восхитительна, верная и любимая подруга по бурным ночам, политическим стычкам в университете, разделяющая его литературные пристрастия. Бедная маленькая Паула, дочь политического касика, отпрыск заносчивой и деспотичной семьи, верная как собачонка первому причастию, школе монахинь, приходскому священнику и своему дядюшке, «Ла Насьон» и театру «Колумб» (ее сестра Кока непременно сказала бы «имени „Колумба“»), и вдруг прыжок в объятия улицы – абсурдный и непоправимый шаг, навсегда и напроць оторвавший ее от семейства Лавалье, начало жалкого падения. Бедная Паулита, как она могла быть такой глупой в столь решительную минуту. В остальном же (Рауль смотрел на нее, покачивая головой) ее решения никогда не были радикальными. Паула все еще ела хлеб семейства Лавалье, патрицианского семейства, способного предать забвению скандал и оплачивать приличную квартиру паршивой овечке. Еще одна причина для нервных припадков, мятежных порывов, планов вступить в Красный Крест или уехать за границу; все это обсуждалось в шикарной столовой или в спальне, в квартире со всеми удобствами и мусоропроводом. Бедняжка Паулита. Было так приятно видеть ее безмятежно спящей („а может, это люминал или нембутал?“ – подумал Рауль) и сознавать, что она пробудет в таком состоя-

<sup>34</sup> «Нетронутой невестой тишины» (англ.). – Первая строка из «Оды греческой вазе» Джона Китса.

<sup>35</sup> Тронутая, и неоднократно (англ.).

нии всю ночь рядом с ним, и вот он уже снова ложится в свою постель, гасит свет и закуривает сигарету, пряча спичку в ладонях.

В каюте № 5 по левому борту сеньор Трехо храпит точно так же, как в супружеской постели у себя дома на улице Акойте. Фелипе все еще не ложится, хотя едва держится на ногах от усталости; он принял душ и теперь рассматривает в зеркале свой подбородок, где пробивается пушок, тщательно причесывается, испытывая удовольствие видеть себя, чувствовать себя вовлеченным в настоящее приключение. Он входит в каюту, надевает хлопчатобумажную пижаму и разваливается в кресле, закуривает сигарету «Кемел» и, направив свет лампы на номер «Эль Графико», лениво его перелистывает. Хорошо бы старик не храпел, но это значит требовать невозможного. Он никак не хочет мириться с мыслью, что ему не досталась отдельная каюта; а вдруг случайно наклонится что-нибудь, как тогда быть? Вот если б старик спал в другом месте. Он лениво вспоминает фильмы и романы, где пассажиры переживают захватывающие любовные драмы в своих каютах. «Зачем только я их пригласил с собой», – твердит про себя Фелипе и думает о Негрите, которая, наверное, сейчас раздевается в своей спальне на верхотуре, окруженная радиотележурнальчиками и открытками с изображением Джеймса Дина и Анхела Маганы. Листая «Эль Графико», он рассматривает фотографии боксерского матча, воображает себя победителем международной встречи, раздающим автографы, нокаутировавшим чемпиона. «Завтра будем уже далеко», – резко обрывает он свои мысли и зевает. Кресло преотличное, но сигарета уже обжигает пальцы, и ему все сильнее хочется спать. Он гасит свет, зажигает ночничок над изголовьем и скользит в постель, наслаждаясь каждым сантиметром Простыней, упругим и мягким матрацем. Ему приходит на ум, что Рауль тоже, наверное, сейчас укладывается спать, выкурив напоследок трубку, но вместо противно храпящего старика в его каюте эта классная рыжуха. Он обнял ее, и оба они, конечно, голые, наслаждаются. Для Фелипе слово «наслаждаться» заключает в себе все, что только можно придумать в часы одиночества, почерпнуть из романов и откровенных разговоров со школьными приятелями. Погасив ночник, он медленно поворачивается на бок и простирает руки, чтобы обнять в темноте Негриту, рыжую красавицу – некий образ, в котором также угадываются черты младшей сестры одного его друга и его собственной кузины Лолиты, целый калейдоскоп женских тел, которые он нежно ласкает, пока его руки не натыкаются на подушку, обхватывают ее, выдергивают из-под головы, прижимают к телу, разгоряченному, содрогающемуся, а рот впиывается в бесчувственную тепловатую материю. Наслаждаться, наслаждаться, и, не помня себя, он сдергивает пижаму и, обнаженный, снова обхватывает подушку, вытягивается и ничком падает на постель, извиваясь, причиняя себе боль и не получая никакого наслаждения.

– Итак, – сказал Карлос Лопес, гася свет, – несмотря на все мои страхи, эта водяная феерия все-таки началась.

Его сигарета прочертила замысловатую кривую, и в белесом свете обрисовался круглый иллюминатор. Как хорошо в постели; нежное покачивание навеивает безмятежный сон. Однако, прежде чем заснуть, Лопес думает о том, как приятно было встретить среди пассажиров Медрано, об истории дона Гало, о рыжей подруге Косты, о возмутительном поведении инспектора. Потом снова вспоминает о своем коротком визите в каюту Рауля, о колкостях, которыми он обменялся с зеленоглазой девушкой. Ну и подружку подцепил себе этот Коста. Если бы он сам не увидел... Но он видел, и тут нет ничего удивительного: мужчина и женщина занимают вместе каюту № 10. Любопытно, если бы он встретил ее у Медрано, например, это показалось бы ему совершенно естественным. Но Коста?! А собственно, почему? Глупо, конечно, но он и сам не знал. Ему припомнилось, что Костальс де Монтерлант вначале звался просто Коста; вспомнил он и некоего Косту, своего давнего однокашника по колледжу. Почему его мысли все время вертятся вокруг этого? Тут что-то неладно. Голос Паулы, когда она раз-

говаривала с ним, тоже как-то не вязался с обстановкой. Конечно, есть женщины, которые ничего не могут поделать со своим характером. И этот Коста, улыбающийся в дверях каюты. Такие оба симпатичные. И такие разные. Вот где зарыта собака! Они совсем не подходят друг к другу. Между ними не чувствовалось никакой связи, ни малейшей мимики, любовной или дружеской игры, когда даже явные противоположности связаны чем-то общим.

– Я строю иллюзии, – произнес вслух Лопес. – Но так или иначе, они будут отличными попутчиками. И кто знает, кто знает...

Окурок порхнул, точно птичка, и затерялся в волнах реки.

## D

Тайком, немного, напуганный, но возбужденный и неудержимый, ровно в полночь в темноте носовой палубы появляется Персио, готовый бодрствовать. Прекрасное южное небо привлекает его на время, он поднимает лысую голову и рассматривает сверкающие гроздья, однако Персио жаждет установить и упрочить контакт с кораблем, на котором он плывет, вот почему, дождавшись, когда сон успокоит всех пассажиров, он устанавливает ревностное наблюдение, призванное соединить его с флюидами ночи. Стоя рядом с вызывающе гордой грудой каната (обычно на пароходах не бывает змей), чувствуя на лбу сырой воздух лугов, Персио тихо сличает все мнения и суждения, услышанные, им, начиная с «Лондона», составляет подробную номенклатуру, где гетерогенность трех бандонеонов и прохладительного напитка с «чинзано», носовая переборка корабля и маслянисто покачивающийся в темноте радар постепенно превращаются для него в некую геометрическую закономерность, медленно проясняющую ситуацию, в которой он оказался вместе с остальными пассажирами. Персио не склонен к ограничительным определениям, и тем не менее им владеет постоянная страсть к окружающим его обыденным проблемам. Он уверен, что закон едва уловимой аналогии правит и карманным хаосом, где певец провожает своего брата, а кресло-каталка кончается хромированной рукоятью; это подобно слепой уверенности в том, что существует центральная точка, откуда диссонанты можно увидеть, как спицы в колесе. Но Персио не настолько наивен, чтобы не знать, что разрушение феномена должно предшествовать всякой архитектурной попытке, и все же он любит бесконечный калейдоскоп жизни, с удовольствием и наслаждением носит новенькие домашние туфли фирмы «Пирелли», растроганно слушает скрип шпангоутов и легкий плеск волн о борт судна. Не в силах отвергнуть конкретное, дабы наконец утвердиться в измерении, где вещи становятся явлениями и чувственное восприятие уступает место упоительному совпадению вибрации и напряжения, он выбирает жалкий труд астролога, традиционное движение в сфере герметического образа, таро <sup>36</sup> и благоприятного слепого случая. Персио верит в некий дух, подобный джинну, выпущенному из бутылки, который помогает ему ориентироваться в клубке событий и фактов, и, уподобившись носу «Малькольма», разрезающему реку, ночь и время, он спокойно продвигается вперед в своих размышлениях, которые отвергают все тривиальное – например, инспектора или странные запреты, существующие на судне, – чтобы сосредоточиться на том, что подчинено высшей связи. Вот уже некоторое время его глаза изучают капитанский мостик, остаются на большом иллюминаторе, пропускающем фиолетовый свет. Кто бы ни вел корабль, он должен находиться в глубине освещенной рубки, вдали от стекол, которые поблескивают в легком речном тумане. Персио чувствует, как в нем постепенно растет ужас, ему мерещатся злоеющие барки без рулевых, недавно прочитанные страницы навевают видения, в которых мрачные северо-восточные районы (и грозный Тукулька с зеленым жезлом-кадуцеем в руках) мешаются с Артуром Гордоном Пимом, ладьей Эйрика, подземным озером Оперы, – ну и мешанина! И в то же время Персио страшится, сам не зная почему, того момента, когда в иллюминаторе появится силуэт капитана. До сих пор события разворачивались, напоминая приятный бред, отчетливый и понятный, накрепко соединяющий разрозненные элементы; но что-то говорит ему (и это что-то вполне могло быть подсознательным объяснением случившегося), что в течение ночи будет установлен некий порядок, некая тревожная причинность, которая возникает и исчезает вместе с краеугольным камнем, а он с минуты на минуту будет заложен на вершине свода. И Персио дрожит и отступает как раз в тот момент, когда на капитанском мостике вырисовывается силуэт – темный торс, неподвижный и прямой,

<sup>36</sup> Особый вид игральных карт (франц.).

*у самого стекла. В вышине медленно вращаются планеты; стоило появиться капитану, и корабль меняет курс, и вот уже грот-мачта перестает ласкать Сириус, склоняется к Малой Медведице, колет и подстегивает ее, пока не отгоняет в сторону. «У нас есть капитан, – думает Персио, вздрагивая, – есть капитан». И словно в хаосе быстрых и бурлящих, как кровь, мыслей, медленно зарождается закон, мать будущего, закон, начало неумолимого пути.*



## ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

*...Le ciel et la mer s'ajustent  
ensemble pour former une  
espace de guitare...<sup>37</sup>  
Audiberti, Quoal-Quotft.*

---

<sup>37</sup> ...небо и море соединяются воедино, образуя некое подобие гитары– (Одиберти, «Куат-Куат».)

## XIX

Ночная деятельность Атилио Пресутти завершилась переселением: с помощью хмурого, неразговорчивого стюарда он вынес из своей каюты вторую постель и перенес ее в соседнюю, которую занимали Неллина мать и сама Нелли. Из-за размеров и формы каюты разместиться в пей оказалось не так-то просто, и донья Росита несколько раз предлагала оставить все по-прежнему и вернуться в каюту сына, но Пушок, схватившись за голову, твердил, что в конце концов три женщины вместе – это совсем не то, что мать с сыном, и что в его каюте нет ни ширм, ни перегородок. Наконец удалось запихнуть кровать между дверью в ванную и входом в каюту, и Пушок появился вновь, неся ящик с персиками, который подарил ему Русито. Хотя все сильно проголодались, никто не решился позвонить и заказать ужин; поели персиков, и Неллина мать достала бутылку с вишневым напитком и шоколад. Умиротворенный Пушок возвратился в свою каюту и завалился спать.

Когда он проснулся, было семь часов; подернутое дымкой солнце светило в иллюминатор. Сев в кровати и почесываясь через майку, Пушок при дневном свете оценил роскошное убранство и размеры своей каюты. «Как здорово, что моя старуха женщина и должна спать вместе с себе подобными», – с удовольствием подумал он, радуясь независимости и весу, которые придавали ему личные апартаменты. Каюта номер четыре сеньора Атилио Пресутти. А теперь поднимемся наверх, посмотрим, что там делается! Пароход вроде стоит на месте, может, мы уже в Монтевидео? Уф! Ну и ванная, ну и сифоны, мама миа! А розовая туалетная бумага, просто грандиозно! Сегодня вече-Ром или завтра обязательно приму душ, потрясающе! А ты только погляди па этот умывальник, да он как бассейн в «Спортивно барракас», в нем можно помыть загривок, пи чуточки не забрызгавшись, а какая приятная водичка течет... Пушок энергично намылил лицо и уши, стараясь не замочить майку. Потом надел пижаму, новую, в полоску, баскетбольные кеды и, прежде чем выйти, причесался; в спешке он забыл почистить зубы, а ведь донья Росита специально купила ему новую зубную щетку.

Он прошел мимо кают правого борта. Наверняка все еще дрыхнут, он первым вышел на палубу. Но там уже прогуливался мальчуган, который путешествовал вместе с мамой, и очень дружелюбно посмотрел на него.

– Добрый день, – сказал Хорхе. – Я вас всех опередил, видите.

– Как поживаешь, малец? – снизошёл до разговора Пушок. Он приблизился к борту и оперся о перила обеими руками.

– Черт-те что! – сказал он. – Да мы все еще торчим перед Кильмесом! <sup>38</sup>

– Значит, все эти цистерны и большие железяки – это и есть Кильмес? – спросил Хорхе. – Здесь варят пиво?

– Это надо ж! – повторял Пушок. – А я-то вообразил, что мы уже в Монтевидео и что, чего доброго, можно сойти на берег и все такое прочее...

– А Кильмес, наверное, недалеко от Буэнос-Айреса, да?

– Конечно! Сел на авто и в два счета тут! Похоже, банда Японца насмехается надо мной с берега, они все отсюда... И это называется путешествие?!

Хорхе окинул его проницательным взглядом.

– Мы уже целый час как стоим на якоре, – сказал он. – Я поднялся в шесть утра, не хотелось больше спать. А знаете, здесь никогда никого не увидишь! Прошли два матроса, спешили по своим делам, но, кажется, они меня совсем не поняли, когда я с ними заговорил. Наверняка они липиды.

– Кто-кто?

---

<sup>38</sup> Один из районов Большого Буэнос-Айреса.

– Липиды. Они такие странные, ничего не говорят. Если только они не протеиды; их так легко спутать.

Пушок посмотрел па Хорхе исподлобья и уже собирался что-то спросить, но тут на трапе показалась Нелли с матерью, обе в брюках, легких босоножках, дымчатых очках и в платочках.

– Ах, Атилио, какой дивный пароход! – сказала Нелли. – Все так блестит, прямо прелесть, а воздух, какой воздух!

– Какой воздух! – сказала донья Пена. – А вы, Атилио, оказывается, рано встаете.

Атилио подошел; Нелли подставила ему щеку для поцелуя. Вытянув руку, он показал на берег.

– Да, это место мне знакомо, – сказала Неллина мать.

– Бериссо! – сказала Нелли.

– Кильмес, – мрачно сказал Пушок. – Скажите на милость, что это за путешествие.

– А я-то думала, что мы уже в открытом море и поэтому нас совсем не качает, – сказала Неллина мать. – А может, чего доброго, у них там что-то поломалось, и надо чинить.

– А может, они собираются брать нефть, – сказала Нелли.

– Эти суда ходят на мазуте, – сказал Хорхе.

– Вот-вот, – сказала Нелли. – А этот карапуз тут совсем один? Твоя мамочка внизу, да, дорогой?

– Да, – ответил Хорхе, искоса смотря на нее. – Она считает пауков.

– Кого, кого, детка?

– Коллекцию пауков. Каждый раз, когда мы отправляемся в такие путешествия, мы берем ее с собой. Вчера вечером у пас убежало пять пауков, но, кажется, мама уже нашла троих.

Неллина мать и сама Нелли разинули рот. Хорхе пригнулся, увертываясь от полудружеского, полусердитого шлепка, которым собирался наградить его Пушок.

– Вы что, не соображаете, что он насмехается над вами? – сказал Пушок. – Давайте поднимемся наверх, посмотрим, может, нам дадут молока, у меня все кишки свело от голода.

– Кажется, завтрак на таких пароходах бывает очень обильный, – сказала Неллина мать с недовольным видом. – Я читала, что подают даже апельсиновый сок. Помнишь, доченька, тот кинофильм? Ну тот, где играла девушка... отец ее еще работал в какой-то газете, и он не позволял ей встречаться с Гарри Купером.

– Да нет, мама, это совсем не тот фильм.

– Ну разве ты не помнишь, он был цветной, и эта девушка ночью пела болеро на английском языке... Хотя, правда, в этой картине не участвовал Гарри Купер. Он был в той, где про катастрофу на железной дороге, помнишь?

– Да нет же, мама, – возражала Нелли. – И всегда ты все только путаешь.

– Там подавали фруктовые соки, – настаивала донья Пепа. Поднимаясь в бар, Нелли повисла на руке жениха; по дороге она тихим голосом спросила у него, как она нравится ему в брюках, на что Атилио отвечал сдавленным рыком, до боли сжав ей плечо.

– Подумать только, – шептал Пушок ей на ухо, – ты могла уже быть моей женой, если бы не твой папаша.

– Ах, Атилио, – сказала Нелли.

– У нас была бы каюта па двоих и все прочее.

– Ты думаешь, я сама не мучаюсь по ночам? Ну, то есть мы давно уже могли бы пожениться.

– А теперь надо ждать, пока твой старикан не наймет нам домик.

– Конечно. Ты же знаешь, какой он, мой папа.

– Как мул, – сказал Пушок уважительно. – Еще хорошо, что мы можем пробыть вместе все путешествие, поиграть в карты, а ночью выйти па палубу, видишь, вон туда, где эти связки канатов... Отличное укрытие. Ох и жрать хочется, сил нету...

– От речного воздуха очень разыгрывается аппетит, – сказала Нелли. – А как тебе нравится мама в брюках?

– Ей они здорово идут, – сказал Пушок, в жизни не видевший ничего более похожего на почтовый ящик, чем тещин зад. – Моя старуха ни за что такое не наденет, она на старый манер, да и посмей она только, старик забил бы ее до смерти. Ты же знаешь, какой он.

– У вас в семье все вспыльчивые, – сказала Нелли. – Ступай, позови свою маму и давай поднимемся в бар. Погляди, какие тут двери, какая чистота!

– Слышишь, как шебуршат в баре, – сказал Пушок. – Вроде к часу, когда подают хлеб с маслом, все сбегаются. Пошли вдвоем искать старуху, не люблю, когда ты ходишь одна.

– По, Атилио, я же не девочка.

– Тут, па пароходе, такие крокодилы водятся, – сказал Пушок. – Пойдешь со мной, и дело с концом.

## XX

В баре все было готово к завтраку. Стояло шесть накрытых столиков, и, когда бармен положил на место последнюю цветную салфетку из бумаги, в зал почти одновременно вошли Лопес и доктор Рестелли. Они выбрали столик, и тут же к ним на правах старого знакомого, хотя он еще ни с кем не обмолвился и словом, присоединился дон Гало; щелкнув пальцами, он отослал своего шофера. Лопес, пораженный тем, что шофер таскал по лестницам хозяина в кресле-каталке (превращенной для этого случая в некое подобие корзины), поинтересовался, хорошо ли себя чувствует дон Гало.

– Сносно, – ответил дон Гало с сильным галисийским акцентом, который он не утратил за пятьдесят лет своей коммерческой деятельности в Аргентине. – Вот только погода слишком сырая и вчера вечером нас оставили без ужина.

Доктор Рестелли, облаченный во все белое и при головном уборе, считал, что порядок на пароходе оставляет желать лучшего, хотя некоторые обстоятельства в какой-то степени и смягчали вину организаторов.

– Полно вам, полно, – сказал дон Гало. – Порядка никакого, как всегда, когда государственная бюрократия пытается подменить частную инициативу. Будь это путешествие организовано «Экспринтером», уверяю вас, мы бы избежали немало огорчений.

Лопес забавлялся. Мастер вовлекать людей в споры, он намекнул на то, что частные агентства тоже нередко подсовывают кота в мешке и что так или иначе Туристская лотерея проводится официально.

– Разумеется, разумеется, – поддержал его доктор Рестелли. – Сеньор Порриньо, так, кажется, ваша фамилия, не должен забывать, что почетная инициатива в данном деле принадлежит нашим властям, чья прозорливость...

– Противоречие, – сухо прервал его дон Гало. – Я никогда не видел власти, которая обладала бы прозорливостью. Судите сами, в сфере торговли нет ни одного правительственного декрета, который можно было бы назвать удачным. За примерами ходить недалеко, взять хотя бы импорт тканей. Что вы можете возразить мне на это? Самая настоящая глупость. В Торговой палате, где я состою почетным председателем уже три срока подряд, я высказывал свое мнение в двух открытых письмах и докладной записке в министерство торговли. А каковы результаты, сеньоры? Никаких. Вот вам и правительство.

– Позвольте, позвольте. – Доктор Рестелли начинал петушиться, что особенно забавляло Лопеса. – Я далек от мысли защищать всякое деяние правительства, однако, будучи профессором истории, я умею сравнивать и могу заверить вас, что нынешнее правительство и вообще большинство правительств проявляют умеренность и сохраняют равновесие в отношении, не спорю, весьма достойной уважения частной инициативы, которая нередко стремится завладеть тем, что не может быть ей предоставлено без ущемления национальных интересов. И это, милостивый государь, касается не только противодействующих сил, но и политических партий, общественной морали и городского управления. Во что бы то ни стало надо избежать анархии, пусть даже в самых зародышевых формах.

Бармен начал разливать кофе с молоком. Он с большим интересом прислушивался к разговору, шевеля губами, словно повторял наиболее выдающиеся мысли.

– А мне чай и побольше лимона, – приказал дон Гало, по глядя на бармена. – Да, да, все сразу начинают толковать об анархии, а ведь совершенно ясно, что настоящая анархия – это официально существующая, прикрытая законами и уставами. Вот увидите, и это путешествие окажется отвратительным, по-настоящему отвратительным.

– Почему же тогда вы согласились поехать? – спросил словно невзначай Лопес.

Дона Гало заметно передернуло.

– Позвольте, это совершенно разные вещи. Почему я должен отказываться, если я выиграл в лотерее? К тому же недостатки выявляются всегда постепенно, на месте.

– С вашими воззрениями вы должны были заранее предвидеть все здешние недостатки, вам не кажется?

– Конечно. Ну, а вдруг случайно все получится хорошо?

– Иными словами, вы признаете, что государственная инициатива в некоторых случаях может быть удачной, – сказал доктор Рестелли. – Я лично стараюсь проявить понимание и стать на место официального лица. («Ты просто мечтаешь об этом, неудавшийся депутатик», – подумал Лопес, скорее с симпатией, чем со злорадством.) Бразды правления – это слишком серьезная вещь, мой уважаемый оппонент, и, к счастью, они находятся в надежных руках. Быть может, не совсем энергичных, но весьма благонамеренных.

– Наконец-то, – сказал дон Гало, решительно макая гренок в чай. – Вот уж и сильное правительство. Нет, сеньор, надо развивать более интенсивную торговлю, более широкое обращение капитала, благоприятные возможности для всех, разумеется в определенных рамках.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.